

СЕРГЕЙ БАГРОВ

БЕЛЫЕ
СЕНИ



СЕРГЕЙ БАГРОВ

БЕЛЫЕ
СЕНИ

ПОВЕСТЬ
В РАССКАЗАХ

Ленинград «Детская литература»

1986

Х у д о ж н и к
Алексей Лямин

Б 4803010102—161 175—86
М101(03)—86

© Издательство «Детская литература», 1986 г.



НА НОВОЕ МЕСТО

Неделю подряд шли над деревней угрюмые низкие тучи. Было прохладно и сыро, кропил мелкий дождь, и листья деревьев копили тяжёлые капли, роняя их, будто слёзы, на землю.

Воскресное утро тоже выдалось серым. Ни голосов, ни мычанья, ни лая. Казалось, во все переулки деревни проникла угрюмая тишь и будет так продолжаться всегда.

Но вот послышалось бряканье траков, и вскоре, мерцая кабинным стеклом, показалися два тягача. Следом за ними гремели бортами тележки.

Остановились тракторы около школы. Заведующий её Павел Павлович, оставив под крышей крыльца гурьбу девочек и мальчишек, заторопился к машинам.

Из кабины, пригнувшись, вылез и встал на гусеницу механик.

— Сколько? — крикнул учителю.

Павел Павлович, запыхавшись, громко ответил:

— Восемьдесят везите! А то и все девяносто!

Механик оправил полу ватника под ремнём.

— Через пару часов будем здесь! — И забрался в кабину.

Тракторы двинулись к ближнему перелеску. Павел же Павлович, сделав рупором руки, созвал всех ребят и сказал им короткую речь:

— Для тех, кто ещё не родился, останется память о вас на этом вот месте! — Указательный палец его прочертил по воздуху круг, забирая жестом пустырь с дремучим бурьяном. — Уверен: лет через сорок каждый третий житель деревни будет иметь летательный аппарат. С высоты он может прочесть название нашей деревни, то есть то, что сегодня мы сделаем собственными руками. Многометровыми буквами из посаженных нами берёзок напишем слово: СЕЛИЩЕ.

За работу взялись торопливо и рьяно. Кто сшибал бudyлья чертополоха. Кто врезался лопатой в жёсткую землю. Кто устанавливал вешки. Сорок восемь учеников. Две учительницы. Учитель.

Через два часа были выкопаны все ямки. Передохнуть бы. Но тут подъехали тягачи, привезли в тележках тоненькие берёзки.

Сгружали все вместе — взрослые и ребята. Механик Чезлов, бережно опуская саженцы на протянутые к тележке детские руки, довольным голосом говорил:

— Взяли их из чащовника. Там им глухо и тесно. Кабы и выросли, были бы недоростки. А здесь, на просторе, они, как свечи, уйдут под самое небо.

Кто-то засомневался:

— А если они на новом месте не приживутся?

— Должны прижиться, — ответил механик. — А какая не приживётся, по весне можно будет и заменить. Снова вам привезём берёзовых новосёлов. А уж как хорошо они примутся в рост — это будет зависеть от вас.

Ребята заверили:

— Станем за ними следить во сто глаз!

— Только так! — улыбнулся механик. Дверца за ним закрылась. Машины поехали с пустыря.

Ребята, как муравьи, потянулись к расставленным вешкам. Задержались лишь трое: Наташа Завязкина, Люба Чезлова, Колька Тулин. Они махали вслед тракторам. Оно и понятно. В кабинах машин сидели отцы.

Тягачи с тележками скрылись за серой стеной пятистенка. Наташа, Люба и Колька, взяв по берёзке, направились к месту посадки, где Павел Павлович объяснял окружавшей его детворе:

— На каждой берёзке запятнаны метки. Сажайте так, чтобы метка глядела на юг.

— В какой стороне будет юг? — выскочил тоненький голос.

Павел Павлович повернулся. Над крышей школы сквозь заволóку тумана пробивалась горстка неярких лучей.

— Сейчас двенадцать часов, — сказал учитель. — Где у нас в это время находится солнце?

— На юге! — раскатился по воздуху дружный хор голосов.

СМЕШОЧКИ И КОГОТОЧКИ

Павел Павлович был не на шутку встревожен. В последние дни на его третьеклассников стали жалобы поступать.

Завклубом, вздыхая и охая, рассказала, что самые бойкие сорванцы ходят на танцы, где, разумеется, не танцуют, однако шныряют туда-сюда, визжат и хохочут и даже порой подставляют танцующим ноги в надежде, что те споткнутся и упадут.

Ветеринар заметил, как шалопаи кидали в быка камнями и кирпичами.

И другие были жалобы. То ребята играют в футбол рядом с фермой и криком своим пугают колхозных коров. То костёр развели возле склада с горючим. То поймали ворону и, привязав к ней шпагат, бегали за пленницей по деревне.

Павел Павлович понял: надо принять особые меры. Такие, чтобы его третьеклассники задумывались всегда, прежде чем они станут что-нибудь делать. Ведь не каждый из них, оказывается, видит разницу меж баловством и недобрым поступком.

На одном из уроков как раз об этом и завёл разговор.

Сначала перечислил жалобы на ребят. Потом попытался вовлечь их в беседу.

— Дурное прячется в развлекательном. Не всегда его можно и разглядеть. Однако почувствовать можно. Вспомните сами: совершили вы нечто неладное, стараетесь это от всех утаить. Почему? Потому что уверены: за это вас не похвалят. Даже будут ругать и стыдить. Предлагаю сейчас: вспомнить пример из собственной жизни, где бы вы себя осуждали, что поступили нехорошо.

— Пал Палыч, я! — вскочила Наташа Завязкина, боевая, красивая, с выгнутыми бровями. — Это я кидала тогда в быка. Только не кирпичами, а каменной солью. Бык стоял в загорódке, огромный такой. Он мне злым показался. Я и стала в него кидать. Думала: он после этого подобреет. А он ещё более рассвирепел.

Усадив Наташу, Павел Павлович обратился с вопросом к классу:

— Этот пример говорит о чём?

Ребята охотно бросились отвечать:

— Плохо Завязкина знает животных!

— Бык — оборóнщик коров! Обижать его — грех!

— Ей бы к быку-то с ласковым словом!

— Не-е! Словом рогатого не подкупишь! Лучше к нему с охалкой травы!

— Так! — Павел Павлович был доволен. — Ещё кто желает пример?

— Я! — откликнулся Колька Тулин. — Я одинова кошку запряг в игрушечную машину и пустил её на дорогу. После этого кошка стала меня бояться, как нечёсаную шпану.

Класс хихикнул. А Павел Павлович улыбнулся:

— Почему нечёсаную?

— Эдак папка меня называет, когда я отбиваюсь от рук.

Ребята снова хихикнули, но учитель взглянул на них с укоризной и задумчиво произнёс:

— Да, Николай. Ты, наверное, здорово веселился, когда запряжённая кошка пустилась вскачь по дороге. А каково было ей? Если бы кошка умела плакать, ты бы увидел кошачьи слёзы. Жесточкой вышла твоя забава. Как в пословице-то у нас? — Павел Павлович даже голову вытянул вперёд, дожидаясь подсказки. И подсказка себя не заставила ждать:

— Не до шуток рыбки, когда крючок под жабру хватает!

— Вот именно! — Павел Павлович построжал. — Иногда спрашиваю себя: кто из вас вырастет? Сколько хорошего вы заберёте с собой? Сколько плохого? Человек будущего начинается в детстве. Уже сейчас вы должны себя останавливать на дурном, потому что потом будет поздно. Итак, продолжаем. Кто желает ещё? Только давайте такой пример, чтобы было после него не смешно, а досадно и грустно стало.

Желающих было много.

Учитель хотел уже было закончить расспрос и сделать своё заключение, как кто-то из заднего ряда отчаянно вытянул руку:

— Можно, я тоже! Я тоже!

— Миша Попов, — Павел Павлович разрешительно улыбнулся коренастому, с чёрной чёлочкой пареньку.

— Только я хочу не из жизни людей. А из жизни насекомых. Комнатных.

Учитель не возражал.

— В субботу, — выпалил Миша скороговоркой, — я с папой, мамой, бабушкой и сестрой сидел на кухне за самоваром. Только налили мне чаю — тут какая-то толстая муха взяла и уселась в вазу с вареньем да ещё и ноги туда опустила. А ноги-то грязные у неё...

Павел Павлович чуть смутился. Пример к уроку не подходил.

— При чём тут ноги?

На этот вопрос Миша, пожалуй бы, не ответил, как вдруг услышал подсказку. И тут же с готовностью объяснил:

— Потому что она их не моет перед едой.

— Что — не моет?

— Руки... То есть не руки, а ноги... — Миша почувствовал, что городит какую-то несуразность, однако нельзя уже было остановиться. — С такими ногами лезть в варенье — это... — Тут он запнулся и замолчал, но снова услышал подсказку и, покраснев, довёл объяснение до конца. — Это невежество дуры мухи, чтоб ей разорваться напоперёк.

Было видно, что Павел Павлович рассердился, однако сдерживает себя.

— Хватит, сегодня разговор о собственных про-ступках.

Усадив Попова, учитель направился к Любиной парте.

— Это не юмор, — сказал пеняющим тоном, — и не подсказка, а нахальство исподтишка. Ты же товарища подвела! — Павел Павлович взял у Любы дневник, развернул его и старательным почерком вывел: «Вела себя безобразно!»

Люба смутилась. Впервые в жизни в её дневнике красовалась подобная запись. Было ей стыдно. А дома что она скажет? Чем объяснит? Сидевшая рядом Раиска Драницына предложила:

— Заклей это место бумажкой — дома и не узнают.

Люба советом пренебрегла. Пусть получит, что заслужила. И с чего её дёрнуло за язык? Думала чуть поразвлечься. Уж больно смешной был у Мишки пример. Решила посмешить ещё больше. И вот попала как кур в ошип.

Разумеется, дома её ругали. Однако это были всего лишь цветочки. Впереди ожидали Любу и острые коготки.

На следующий день после уроков к ним в класс пришла практикантка. Звали её Антониной Евгеньевной. В школе она вторую неделю. Ребята успели с ней подружиться. Антонина Евгеньевна ходила с ними не раз на экскурсию в поле смотреть, как убирают комбайнами хлеб.

Павел Павлович попросил Антонину Евгеньевну обсудить и выбрать для приёма в пионеры самых достойных учеников.

Под воротом белой кофты Антонины Евгеньевны краснел пионерский галстук. Наклонившись над классным журналом, она называла очередного ученика, улыбалась при этом и спрашивала у класса: все ли согласны принять его в пионеры?

Класс волновался. Слышались возгласы, даже споры. Кто-то клялся, что с той недели он будет учиться не хуже других. Отвергали лишь тех, у кого были двойки.

Антонина Евгеньевна, чтоб не обидеть отвергнутых, говорила:

— Новый приём в пионеры будет в конце четверти. Постарайтесь исправиться к этому времени.

Люба, когда Антонина Евгеньевна назвала и её, почему-то сконфуженно покраснела.

— Русский — четыре, рисование — пять. — Практикантка листала журнал. — Литература — четыре, математика — тоже четыре. Кажется, всё в порядке! Давайте, ребята, голосовать. Кто за?

— Пойдите! — Это Валерик Цыкин, низкоросленький,

с тонкой шеей. В маленьких глазах сквозила решимость разоблачителя. — Она урок чуть было не сорвала! Её нельзя в пионеры!

Антонина Евгеньевна растерялась и посмотрела на Любу.

— Это правда?

Люба кивнула. Ей тут же захотелось убежать. Однако она сжала вмиг пересохшие губы, склонила голову и осталась.

Вслед за Любой поднялся над партой и Цыкин. Когда за Валерика стали голосовать, все ребята взглянули на Любу, как бы давая ей знать, что если она не поднимет за Цыкина руку, то так же сделают и они.

Люба поймала взгляд Валерика. Затем посмотрела на практикантку и, наморща лоб, подняла руку. Тяжело подняла, с усилием, будто чужую.

Возвращалась Люба домой на пару с Раиской.

— Ну и Цыка, — сказала Раиска. — Выскочил как ненормальный. Он же, Люба, гадость тебе подстроил. А ты? Почему-то голосовала?

Люба была расстроена до печали. А тут ещё эта Раиска с её навязчивым любопытством.

— Цыка тут ни при чём! — ответила Люба. — Я сама во всём виновата. И вообще...

— Что — вообще?

— Давай не надо. Не спрашивай. Ни о чём...

ВДОЛЬ ЦАРЕВЫ

Рыболов из Любы неважный, однако она не упустит случая сбежать с удочкой на реку. Да и не только Люба; вдоль берега — на камнях, мысках и глинистых оползнях — неширокой реки Царевы маячат фигурки любителей рыбной ловли.

Золотая сентябрьская осень. Она повсюду, на всех опушках и косогорах. Запалила огнём прохладные листья, высветлила макушки и, как молодая печальница, грустно вздыхает каждым деревом над рекой.

Устроилась Люба на мшистой террасе елового бора, которая выползла из лесу на обрыв. Глядит неотрывно на поплавок. Клёва нет.

Внизу — спокойное плёсо реки. От чистого неба и солнца оно насквозь голубое. Неожиданно в голубом за-пестрели проворные тени. У каждой тени — по клюву и по два крыла. Почему они там, под водой?

Люба кидает еловую шишку. Круги по воде. Тени исчез-ли. Но вот появились снова. Сверху упала кисточка ягод, её понесло по воде.

Перекадилась Люба на спину — лежит, смотрит уже не в реку, а в небо. Над нею стая дроздов. А вот ещё одна стая. Летят и летят, отражаясь в сентябрьской реке.

Светлое небо. Свист крыльев. Летящие стаи. Чувствуют птицы близость ненастья. Потому-то и улетают. Перелёт будет трудным. Не все его одолеют. Однако начнут все. А потом, полгода спустя, ещё перелёт. Не осенний, а весен-ний, обратный.

Поднимается Люба. Опираясь на удочку, долго-долго глядит вдоль реки. Дрозды пролетели. Ветви деревьев вы-тянулись по ветру. Чья-то невидимая рука срывает цве-тистые листья. Значит, и осень сбегает на юг. Вслед за птичьими косяками, вдоль Царевы, меж сиротеющих берегов.

ПОЛОСАТИКИ

Люба живёт по соседству с Раиской, дружит с нею с тех пор, как ходить научилась. После школы, сделав уроки, подружки обычно куда-нибудь убегают. Либо строить ша-лаш. Либо во двор к Кольке Тулину, где на днях оценилась собака. Либо к соломенным скирдам в поле, куда соби-раются все ребята, чтобы вволю накувыркаться. Сегодня подружки слоняются по деревне. За ними, как хвостик, сле-дует младший братец Раиски Аркаша. Он тараторит как за-ведённый.

— Интересно, — спросил он, уставившись за дорогу на какого-то тучного человека, — этот дядя к нам чего при-ехал? Навсегда или на несколько дён?

— Познакомиться хочешь?

— Хочу узнать: был этот дядя когда-нибудь тонким?

— Само собой, — сказала Раиска.

— А ест он чего?

— Да то же самое, что и ты!

— Тогда почему я не толстый?

Раиске Аркаша поднадоел. Дома — вопросы. На воле — вопросы.

— Закрой лучше рот! Дай от тебя отдохнуть. Вон погляди! — кивает Раиска в сторону магазина, откуда выходит старушка с внуком.

Одна рука малого в бабушкиной ладони, вторая — суёт в рот морковку.

— Какой смиренный мальчик, — говорит Раиска, — не задаёт никаких вопросов.

Аркаша с сестрой не согласен:

— Как он будет тебе задавать, коли морковина рот загородила!

— Всё-то ты знаешь! — сопит недовольно Раиска.

Аркаша перекинулся на Любу, её можно спрашивать обо всём. То про зверей: почему они злее домашних животных? То — не боится ли Люба ходить одна в лес, плутала ли в нём и встречалась ли когда-нибудь с лешим?

Неожиданно Люба остановилась, окинув Аркашу с Раиской предупреждающим взглядом. Деревня осталась позади. А впереди, за полем колхозной картошки, темнела опушка хвойного леса. Люба на днях ходила туда за грибами. Грибов не нашла. Но увидела там каких-то полосатых животных, которые рыли острыми мордами землю, фыркали друг на друга и тёрлись спинами о деревья.

Рассказав об этом Раиске с Аркашей, Люба таинственно прошептала:

— А что, если мы устроим в ёлках засаду?

— Ага-а! — засмеялся Аркаша.

— А оне, полосатики эти, нас не тронут? — заморгала Раиска.

— Не-е, — успокоила Люба, — оне все — низкоглазики, не увидят.

До опушки полкилометра. Шли молча. Лишь пыль клубилась из-под ног. Вот наконец крупнолапые ёлки одна за другой уходят в глубины угрюмого бора. Тишина. Запах вереска. Пни, обсыпанные брусникой.

Засаду устроили в две минуты. Приставив к ёлке несколько срубленных веток, все трое уселись на мох и стали следить за открытым заповьём.

Сидели около часа. Никто, однако, не появился.

— Враки это! — сказала Раиска, продираясь сквозь хвойный подрост к дороге. — Нет никаких полосатиков! Наверно, тебе померещилось, Люба!

— Говорю вам, было! Вон, — показала Люба, — в том месте грибы искала. А в том вон, около ёлки-падины, увидела их...

— Страшные, что ли, они? — уточнил Аркаша.

— Может, и страшные.

— А почему они на тебя не напали?

— Спроси, Аркаша, чего полегче.

Аркаша спросить не успел.

Шагах в сорока на картофельном поле по рослой ботве метнулось с чавканьем пять или шесть быстроногих существ.

— Полосатики! — взвизгнули девочки и, подхватив Аркашу за локотки, припустили бегом в Селище.

Об увиденном в этот же день рассказали они в деревне родителям и знакомым ребятам.

Родители им не поверили. Ребята же стали над ними смеяться. И тогда отыскиали они дядю Колю Синицына, агронома.

Дядя Коля расстроился.

— Вот грабодёры! — сказал он в сердцах. — И откуда взялись? Перекопают теперь у нас всю картошку, чего доброго!

— Перекопают? — спросили в один голос Люба с Раиской, а Аркашка добавил:

— Лопатами, что ли?

Не хотел агроном улыбаться, да улыбнулся:

— Клыками!

Люба вскинула светлые бровки:

— Кабаны, значит, это?

— Они, — кивнул дядя Коля. — Картофель для них — самое сладкое блюдо. Перерыли б всё поле, кабы не вы! Спасибо, дозорщики! Вовремя дали знать! Завтра же всех их прогоним!

Аркаша азартно воскликнул:

— Ружьём?

— Мотором.

— Копалку пустите в поле?

— Копалку! — Дядя Коля, пожав дозорщикам руки, заторопился к колхозной конторе.

Был уже вечер, и дозорщики тоже пошли по домам. Все трое были горды и довольны. Из любопытства ходили они на опушку. Но вышло так, что совершили полезную службу — спасли от разора общественное добро.

ПОСПЕЛА БРУСНИКА!

Утро ещё не проснулось — окна мокры, в огородах туман, холодные перья травы свесили капли росы, никак не решаясь их сбросить на землю. Однако народ уже высыпал за деревню. Идти полтора километра. Сперва по машинной, а после по старой тележной дороге, за рощу красных осин и колхозную лесосеку. Там меж сломанных бурей замшелых ёлок, пышных кочек и тонких берёз полыхает кострами брусника.

Запасают ягоду все. Потому по воскресному дню и спешат спозаранку в сторону леса крестьяне Селёща. Дорога от платьев, рубах и косынок — будто расстеленный цветной половик.

Люба ступает с прибежкой, стараясь держаться с мамой шаг в шаг.

За деревней — распахнутые ворота. Рядом, забравшись на изгородь, горбится маленькая фигурка. Люба признала в фигурке Аркашу, грозу деревенских куриц, котов и собак. Лицо его залито горем. Видать, бежал вслед за матерью в лес, да та его не взяла с собой. И вот он, взъерошенный, с кепкой под мышкой, сидит, провожая ревнивой поглядкою всех, кто уходит к опушке.

Увидев Любу, он так порывисто встрепенулся, что едва не спикировал вниз, и тут же, ткнув в её сторону пальцем, неизвестно кому прокричал:

— Вон тоже не больно большая! Ей можно! А мне-е?

Чтобы успокоить его, Люба сказала:

— Я в школу хожу. А ты — нет. Сперва подрасти. Школьником станешь — тут тебя сразу по ягоды и возьмут. Недоволен Аркаша Любиными словами. Поправляет её:

— Я в лес хочу не по ягоды, а по волка!

— Какого волка?

— Живого!

— А для чего?

Аркаша признался:

— Меня на улице сильные мальчишки обижают. Хочу у него научиться щёлкать зубами, чтобы они от меня разбегались!

— Мели, Емелька! — крикнула Люба и, засмеявшись, пустилась вдогонку за мамой.

Лес для юной добытчицы ягод был не в новинку. Бывала в нём не однажды. То собирала рыжики, то чернику. Вот и

сегодня, пройдя вместе с мамой поросшую сорной ольхой и кустами дорогу, при виде берёз, моховых лужаек, коряг и разбросанных там и сям красных ягодных гряд, она ощутила себя званой гостьей. Будто попала на праздник, куда её пригласили друзья.

В лесу тишина. Изредка кто-нибудь крикнет: «Ау-у!» Меж деревьев летают безмолвные листья, опускаются Любе на голову и на плечи. Летающих листьев много-премного. Веет от них прохладой, шёпотом и покоем. Точно они ворожат, норовя подарить своё настроение, в котором чудится Любе и светлая грусть, и прощание с летом, и примирённость.

Ягоды всюду. Кажется, их никогда не собрать. В тишину врываются крики:

— Идите сюда! Эво их! Некуда даже ступить!

— А у нас-то! У нас!

— А здесь! Ровно кто из корыта просыпал!

Брусника из Любиных пальцев струится в корзинку набёруху ручейками. Корзина в три дранки. Две уже скрылись. И третья вот-вот покроется красной горюшкой.

Солнце пробилось сквозь облака. Оно высветляет новые кочки с брусникой. Любе мерещится, будто с ней рядом кто-то чуть слышимым голосом предлагает: «Вот эту куртинку ещё оберни. А потом и вон ту...» Но брать уже некуда. Полная с верхом корзина. Пора и домой.

Возвращаются ягодники в деревню. У ворот их встречают негожие к долгой ходьбе старики. Тут же толкуются и малые дети. Самый шустрый, Аркаша, спугнув стаю жирных ворон, выбежал с криком из-за крапивы, остановился, присел на корточки около лужи. Наклонив головёнку, что-то внимательно изучает.

Люба спрашивает его:

— Неужто чего тут нашёл?

Аркаша кивает:

— Маленького змеёнка.

Люба заметила выползка-червяка.

— Он кусается? — Голос у Любы серьёзный, хотя ей хочется рассмеяться: уж больно забавен у малого вид, точно и в самом деле нашёл змеёнка и тот его может всерьёз укусить.

— Ага, — отвечает малыш. — Только которым местом, не знаю. Рта нету. Зубов не видать. Наверно, есть ядовитое жало. Но не могу разглядеть.



Тут Аркаша вспомнил, видно, утренний разговор. Встаёт, глядит на Любу.

— Видела? — спрашивает с надеждой.

Люба не понимает:

— Кого?

— Да зубастого волка!

Люба ставит наберуху на тропинку.

— Не-е, — объясняет, — не видела. Поди-ко мы шумно ходили. Он нас испугался и убежал.

Аркаша разочарован, однако спрашивает упрямо:

— В лес-то всяко ещё пойдёте?

— Пойдём.

— И я с вами!

Люба пугающим голосом говорит:

— А если волк и на самом деле выскочит из-за ёлки?

— А это на что?! — Аркаша хлопает себя по штанам, из кармана которых торчит дуло деревянного нагана.

Люба довольна ответом Аркаши. Сдёрнув с его головы полосатую кепку, насыпает в неё до самого верху брусники.

— Ешь! — подаёт ему кепку и убегает по тропке.

Аркаша глядит ей вдогонку. Потом наклоняется к кепке, нюхает ягоды и замирает. Ягоды пахнут далёким берёзовым лесом, и почудилось малому, будто в том лесу среди диких коряжин скрывается тот самый волк, у которого он решил научиться щёлкать зубами.

НАХОДКА

До чего же тоскливо в ноябрьское утро слушать вой ветра в кирпичной трубе! Быть может, он проникает в трубу специально, чтобы кого-нибудь напугать?

Любе ветер нисколько не страшен. Она смотрит в окно. Там не весело, но и не скучно. В шелесте трав на меже, в последних листьях берёзы, в кучках ботвы среди гряд, где скачут сороки и галки, в далёких и ближних кустах, машущих ветками, как руками, пусть увядающе, пусть прощально, — всё равно продолжается жизнь. Правда, у этой жизни скоро наметится перемена: выпадет снег и станет земля спокойной, белой. Пока же земля в полусонном покое, задумалась, словно усталая мать, вспоминает, наверное, лучшие дни, которые тихо ушли от неё вместе с летом.

У Любы каникулы. В школу не надо. Делай, чего пожелает душа. Девочка даже подрастерялась. Сколько соблазнов! Включить ли телевизор? Раскрыть ли какую-нибудь занятую книгу? А может, на улицу, где покрытые инеем травы, лужи с первым ледком и воздух, пахнувший снегом? Хочется и то, и другое, и третье. Однако всё сразу нельзя, и она задумчиво смотрит в окно, будто оттуда должна прилететь к ней подсказка.

Вместо подсказки в пропищавшую петлями дверь вбежала Раиска, в вязаной шапочке, красных сапожках и рукавицах. Люба обрадовалась подружке:

— Вот хорошо! Проходи, раздевайся!

Раиска моргнула большими глазами:

— Мне — на реку. Хочешь со мной?

— Чего на реке-то?

— Мамка бельё полоскала да оставила там валёк. Вот меня и послала.

К реке девчата спустились по тропке. Река была неширокой. Протекала она за овсяным полем, за стайкой рябин и россыпью ёлок. Выходя на дорогу, подружки встретили громко скрипевшую валенками в галошах старую сторожиху Настасью. Почему-то шла сторожиха с реки по рожнём — ни вёдер при ней, ни корзины.

— Зачем это она сюда приходила?

— В самом деле: заче-ем?

Было промозгло. Ветер гнал по воде шершавые волны. Хлопали лапами ёлки. Дорога возле плота, где полощут бельё, искрилась припайками сморщенных льдинок. В одну из припаек вмёрзла лопатка валька. Раиска разбила лёд каблуком. Люба вдруг заметила в холодной и тёмной воде среди метёлок бусой, прихваченной первым морозцем осокли... беленького котёнка!

Котёнок хлопал лапками по воде, мотал головёнкой, цеплялся за тоненький пруттик.

Раиска, увидев котёнка, пугливо засуетилась:

— Ой, Люба, ой! Ведь потонет!.. Надо бы как-то его оттоля! Ой, пропадёт!

Люба, отчаянно подымая тонкие ноги, зашла едва не по пояс в реку, подхватила котёночка — и назад. На берегу сняла с растрепавшейся тут же под ветром головы тёплый платок. Обмотала котёнка.

— Бедненький! Кто ж тебя эдак?!

Котёнок трясся от холода даже в тёплой укутке.

— Потерпи! Мы сейчас! — уговаривала Люба. — Мы тебя отогреем на печке!

Девочки со всех ног пустились к деревне. Под сапогами, будто железная стружка, скрежетала покрытая инеем мурава.

СТАРАЯ УТВАРЬ

Всякий раз, забираясь по тёмной лестнице на чердак, Люба предчувствует встречу с чем-то таинственным или забытым. На чердаке даже в солнечный день сумеречно и хмуро, пахнет затхлой одеждой, в углах — многослойные сеточки паутин.

Ступит Люба сюда и на миг позабудет, зачем она тут.

В тусклом свете крохотного оконца наклонные ноги стропил, скаты крыши и пол-потолок — будто загадочный терем, куда вот-вот должны съехаться поздние гости.

Любе боязно и занято. Куда ни посмотрит — всюду старинная утварь. Принадлежала она дедушке Грише и бабушке Клане. Оба давно на погосте, а их утварь стоит и стоит. Будто здесь кладбище использованных вещей, которые больше не пригодятся.

Направо от входа — железный сундук, куда убирала добро своё бабушка Кланя. На сундуке — берестяные корзины, коробки, лапти и сапоги.

Слева — набор деревянных кадешек, позеленевший от времени меденик — медный бак для воды, детская зыбка, несколько крашенных прялок, оконная рама и свалка засиженных мухами тёмных икон.

Подальше — три короба. В них кипы газет, журналы с картинками, ветхие книги. Люба узнала от мамы, что это из поповского дома, который когда-то был раскатан на дрова, и дедушка Гриша, чтобы добро не пропало, все короба перенёс к себе на чердак: может, кому сгодится.

На полу вдоль балки — шеренга чугунных гирек и гирь, от фунтовой до трёхпудовой. Сверху гвоздь, а на нём, как пшеничные калачи, — берёзовые завёртки, которыми раньше к саням прикреплялись оглобли. А вон и две удочки с поплавками. Глядя на эти удочки, Любе чудилось каждый раз, что это дедушка их приготовил вчера, чтобы сегодня их взять и пойти на рыбалку.



Кроме вещи, какую велено принести, соблазняет Любу взять с чердака и ту, которая чем-то её поразила. Прошлой весной она втащила на кухню сбитый из струганых палок угольник. Папа, увидев его, улыбнулся:

— Мой шагомер! — И, взяв у Любы находку, разговорился: — Двухметровый ходок. Сколько лет я с ним не встречался — и на-ко тебе! А познакомился я с ним впервые в послевоенное лето. Меня приставили к бригадиру на помощь. С ходу́линой этой все поля обошёл, где трудился народ. Принимал, кто сколько за день чего наработал. Поле пашут — так вспаханной пашни. Лён теребят — сколько соток надёргали льну. Рожь жнут — так где и много ли убрано жнивы. Походили мы с ним. От весны до осени. Три сезона подряд. Если считать километры, сколь мы их одолели, так надо брать тысяч под двадцать, не мене...

Люба тоже тогда прошлась с шагомером. Накануне учитель дал всем задание: определить площадь дома и огорода. Вот Люба, ступая с угольником, и считала: сколько раз он «шагнёт» около стен её дома и сколько раз вокруг огородного забора?

Среди непонятных вещей, принесённых Любой на кухню, был и старенький серп. Увидев его, Люба герб вспомнила. Тот серп, на гербе, и этот, чердачный, были схожи друг с другом.

— Откуда у нас он? — спросила у мамы Люба.

Мама погладила серп.

— Ему, наверно, сто лет. Им жала бабушка Кланя. Давно это было. Ещё до комбайнов. Все хлеба убирали тогда вручную.

— И ты убирала? — спросила Люба.

— Я — нет, — ответила мама.

— Не научилась?

— Ну почему? — улыбнулась мама. — Научилась.

Траву вон резала им для скотинки!

Глаза у Любы загорелись.

— Я тоже хочу!

Мама не возражала. Пускай поработает дочка. Это не вредно. И показала Любе, как обращаться с серпом.

Был июль, трава в огороде вымахала по пояс, и Люба, забрав большую корзину, присела на корточки и давай водить серпом над кореньями трав. Нажала уже полкорзины, как вдруг ощутила ожог. Посеклась! Она не заплакала,

хотя кровь и бежала, стекая с руки на траву, а рассердилась, что так до обидного мало нажала травы.

Порою Любе казалось, что время, которое её увело вперёд от жизни бабушки Клани и дедушки Гриши, здесь, на заброшенном чердаке, как бы нарочно остановилось, не желая трогаться из былого в беспокойный нынешний день.

Как-то мама велела Любе взять с чердака осиновою лопату. Лопату Люба нашла. А ещё нашла за посудным шкафом среди табуреток какую-то странную ногу.

Нога была деревянной, с пальцами и стопой. Это Любу немного смутило. Когда зашла она с деревяшкой на кухню, то мама пожала плечами, а папа вздохнул:

— Не надо бы это сюда.

— Почему?

— Это... — Папа не сразу нашёл слова, какими бы мог утолить дочкино любопытство. — Это от дедушки Гриши. Его деревянный протез. Дедушка твой вернулся с войны без ноги. А протез смастерил, чтобы можно было ходить на работу.

Изумилась Люба:

— На одной ноге на работу?

— Трудное было время. Не хватало людей. Вот и ходил он на этом протезе в колхозную мастерскую. Делал оконные рамы, столы, инвентарь и разные инструменты.

— А до войны он тоже работал?

— До войны он был председателем сельхозартели. Сам работать любил и других заставлял. Строгий, но справедливый. За артельное дело готов был голову положить. У людей он на высокой славе. Землю знал, как никто. Оттого и хлеба росли — не прострелишь из пушки — колос к колосу, шапку бросишь на них — наземь не пустят. О нём писали ещё в газете. Так, Валентина?

— Помню, — ответила мама, — в позапрошлом году прибирались на чердаке и в каком-то из ящичков средихлама наткнулись на эту газету. Там статью-то и прочитали. Надо было с собой её взять. Сейчас, поди, уж и не найти...

Слушая, Люба ловила каждое слово о дедушке Грише. Вот он, оказывается, какой! А она и не знала.

— А как ему ногу-то на войне? — спросила. — Снарядом?

— Нет, — ответила мама, — танком.

Люба моргнула:

— Неужто дедушка убежал?

— Наоборот. Вышел танку навстречу. С гранатой. И порвал его. Только сам вот не уберёгся. На землю упал. А танк, подбитый уже, прошёл вперёд на несколько метров, как раз по дедушкиной ноге.

— А его наградили?

— Медалью «За отвагу».

Люба заволновалась:

— А где-ка она?

— Дедушку вместе с медалью похоронили.

Люба взглянула на маму с печалью:

— А дедушка видел меня?

— Не мог он видеть тебя. Ты ведь недавняя. А он умер вскоре после войны...

Люба вздохнула и понесла назад деревянный протез, положила его и окинула взглядом чердак, как музей, куда придёт она ещё не однажды и непременно изучит его до конца.

Через день Любу принимали в пионеры. Сразу же после приёма провели сбор отряда. Сбор был посвящён ветеранам труда.

Тут и вспомнила Люба рассказ папы с мамой. Сердце её забилось, и она с волнением в голосе произнесла:

— Мой дедушка Гриша был первым председателем нашего колхоза. Об этом писали в газете. Газета на чердаке. Если хотите, пойдёмте ко мне и вместе поищем!

Ребята двинулись к Любе домой. Один за другим забрались на чердак.

— Ищите! — сказала Люба.

Ребята рассыпались кто куда. Слышались топот, скрип, голоса. Сдвигались тяжёлые короба, ящики и корзины. Летала взбитая пыль, паутина. Кто-то громко чихал.

Поиск длился около часа. Наконец среди пожелтевших бумаг в большом разорванном решете Люба нашла газету.

— Вот она! Вот! За мно-ой! — закричала она и с победной улыбкой первой спустилась по лестнице с чердака.

Вечером Люба, желая обрадовать мать, сообщила:

— Мы нашли! Нашли ту газету! Про нашего дедушку Гришу! Мы скоро в школе откроем музей. Можно её нам взять для музея?

Мама, почуяв неладное, тут же пошла на чердак.

— Музей — хорошо. — Она стояла на лестнице рядом с Любой и водила карманным фонариком по чердаку, где всё было всклокочено, поднято вверх тормашками. Маме

при виде такого погрома сделалось как-то не по себе. — Только кто прибирать после вас здесь будет — не понижаю?

— Как кто! — подивилась Люба. — Мы же и прибежёмся! Сегодня-то некогда было: быстро стемнело. Мы завтра сюда! Снова всем пионерским отрядом!

Мама махнула рукой:

— Не надо! Не надо отрядом! Уж лучше я в воскресенье сама.

— Без меня?

— Ну куда уж теперь без тебя. С тобой! — ответила мама, погладив дочку по голове.

ПЕРЕВЕРНУТАЯ СТРАНИЦА

Календарь у природы один. В нём четыре времени года. Тяжело и упорно переворачивает природа очередную, третью страницу, чтоб обновить на земле перелески, поля и луга, тропы, дороги и огороды, уйти от осенних дождей и прийти к бодрящему зимнему снегу.

Две недели срывались с небесных высот бесконечные капли. Наконец дождь иссяк.

Проснулась Люба от странного ощущения, будто кто-то её торопил поскорей подойти к окну. Девочка встала, прошла босиком по холодному полу и изумлённо застыла — там, за окном, занимая весь воздух, носились мохнатые хлопья.

— Зима! — воскликнула Люба и поспешила в кухню, где мама с папой готовили к завтраку стол.

— Дед-снеговой гусей щиплет! — откликнулся папа.

— Поболе бы этих гусей! — рассмеялась Люба.

— А хватит! — сказала и мама, кивнув головой на окно. — Ишь сколько пуху! Небось убаюкает все хлеба.

Любе хочется знать:

— Для чего убаюкает?

— А чтобы крепче они под снегом заснули, спали всю зиму, не просыпаясь.

Люба спросила:

— Чем толще снег над хлебами, тем они выспятся лучше?

— Вот! Вот! — согласилась мама. — И силы боль-

ше в себе сохраняют, чтоб весной по солнышку веселей зеленеть.

Треск поленьев в печи, румяные лица родителей, чай с олашками и вареньем, мурлыкающий котёнок — всё сегодня видится Любе каким-то празднично-обновлённым. Ясно, это от белого света. Свет же льётся в окно, приглашая её на улицу, где снежинки.

До начала уроков ещё целый час, но Люба оделась, накинула ранец и, помахав родителям от порога, нырнула в полумрак сеней.

Зима! Скрип морозных шагов. По дороге, сердито пышкая, катится толстый клубок.

— Кто такой? — спросила Люба, не узнавая в укутанном шалью малыше шалуна Аркашу.

Мальчик поднял на Любу кругленький нос:

— Сирота.

— А где твои папа и мама?

Аркаша расстроено засопел:

— Я им не велел, а они меня не послушались и ушли опять на работу.

— И с кем ты остался?

— Вон с этой! — Аркаша вытянул руку к калитке, где стояла старая бабушка Геля, с которой он, видно, только что поругался.

— С бабушкой, значит? — спросила Люба.

Аркаша поправил:

— С Бабой Ягой! — И посмотрел на бабушку, проверяя: слышит она его или не слышит?

Люба понизила голос:

— Разве у неё помело есть?

— Какое ещё помело? — не понял Аркаша.

— Да на котором она ночами летает?

Аркаша вздохнул с сожалением:

— Нету.

— Значит, нельзя так её называть. Без помела твоя бабушка Геля для Бабы Яги не подходит.

Оставив Аркашу с распахнутым ртом, Люба отправилась в другой конец деревни. Слепила комок, запустила им в телеграфный столб. Столб, показалось ей, рассердился и обиженно загудел.

За деревней пуржило. Ветер качал лопуховые листья, ссылая с них снег. Лопухов было много. Они начинались у гряд огорода, пролезли под изгородью к задворью, заняли

весь пустырь и пустились бойкими стаями к ближнему полю.

Тут услышала Люба, будто кто-то едет издалека. С колокольчиком под дугой, с унылой ямщицкой песней. Так, наверно, было когда-то, подумала Люба. И кони, и песни, и ямщики.

А сейчас, спустя годы, всё это отозвалось ветром, проводами и мёрзлой травой, передав Любе эхо былого.

Вскоре увидела Люба трёх первоклашек. Они вышли из дому за час до уроков и теперь слонялись, убивая лишнее время.

— Куда это вы? — спросила она.

— К тебе! — ответили первоклашки.

Люба надумала их поугагать:

— Я эво куда! — И показала за поле, где синевато темнела гребёнка елового бора.

Засмеялись ребята:

— И мы туда!

Люба и в самом деле шагнула в распахнутые ворота и через пару минут была уже у краешка поля. Вчера здесь зеленели хлебные всходы. Сегодня они схоронились под снегом. Любе представилось, что снежинки не просто ложатся на поле, а как бы кланяются ему и, убаюкивая хлеба, просят их успокоиться, заснуть.

— Как в сказке! — сказала Люба.

Кто-то из маленькой троицы тут же её поправил:

— Не в сказке, а в белом поле!

Люба пожала плечами и вызывающе усмехнулась:

— Вы не знаете, что я имею в виду!

— И ты не знаешь, что мы имеем в виду! — ответили ей с задором.

Люба не стала спорить. Присела и разгребла рукавицей кустик озимой травы, улыбнулась и сказала ему ласково:

— До свидания, маленький! Видишь, — кивнула на первоклашек, — сколько нас тут пришло с тобой попрощаться! Долгого сна тебе! Вернёмся сюда, когда ты проснёшься. Вернёмся ведь, а? — спросила ребят.

— Вернёмся! — заверили первоклашки.

Запахав кустик снегом, Люба весело встала и, окружённая маленькими дружками, заторопилась в сторону школы, откуда слышался гам и смех развеселившихся, румяных, как снегири, девочек и парнишек.

ЧУДУШКО

В селищевском магазине очередь. Разговоры. Бряканье гирь по тарелке весов.

Дверь неслышно открылась, пустив с мороза Аркашу. Фуфайка на малом застёгнута криво, шапка сидит на плечах, закрывая глаза и нос, — одевался, видашь, без помощи взрослых. Увидев Любу, Аркаша сразу и встал перед ней.

— Не по хлеб ли пришёл? — любопытствует Люба.

— Не-е! По сладкое! — отвечает Аркаша с улыбкой и подаёт белолицей, в очках и белом халате, тётке Марусе пачку новых пятирублёвок.

Брови у тётки Маруси приподнимаются вверх.

— Тебе, паренёк, чего?

— Дайте, пожалуйста, шоколадок!

— На все, что ли, деньги?

— На все!

В магазине сделалось тихо. Очередь смотрит на покупателя с любопытством. Продавщица снимает очки:

— Кто тебе дал столько денег?

Из-за прилавка Аркаши почти не видно, он поднимается на носочки.

— Вчера выдавали папе получку!

— И ты её взял? Без спросу?

— Без спросу.

— Но он же тебя заругает?!

— Не-е! — уверяет Аркаша. — Он всегда говорит моей маме, что умные люди могут прожить без получки. Вот я и взял у него. Хочу, чтобы папа жил не хуже умных людей.

— Чудушко! Право, второго такого не сыщешь! — Деньги от мальчика тётя Маруся не принимает. — Отнеси обратно, — наказывает она, — да скажи отцу своему: пускай их кладёт от тебя подале.

Аркаша густо краснеет, поправляет ватную шапку и уходит, расстроенный, от прилавка.

— Да ещё, — бросает тётя Маруся вдогонку, — хвостину пусть припасёт и постегает тебя хорошенько!

К дому Аркаша идёт, сердито пиная валенком снег. Люба его догоняет.

— Домой-то идти не боишься?

— А чего мне бояться? Всяко я ничего не скажу. Не скажу — и меня не напорют.

— А деньги? — напомнила Люба.

— Деньги положу на старое место. — Аркаша вздыхает. — Не хочется, а положу.

— Почему же не хочется?

— Папку жалко. Опять будет жить хуже умных людей.

Люба глядит на Аркашу с сочувственным пониманием. Поворачивая к калитке, она машет ему рукавицей:

— Не унывай!

Аркаша храбрится:

— Не подумаю! — И тоже машет рукой, не разжимая при этом пальцев, крепко стиснувших денежные пятёрки.

НЕВИДИМКА

Любина школа стоит на краю деревни. Она двухэтажная, с длинным парадным крыльцом. Верхний этаж занимают учительская и классы, нижний — кладовка и мастерские. В школе три педагога. В первом классе — Анна Ивановна, староватая, полная, с неулыбающимся лицом. Во втором — Александра Петровна, весёлая, только что после пединститута. В третьем, где учится Люба, — Павел Павлович, он же завшколой, в преклонных годах человек.

Сегодня первым уроком — труд. Да и не только сегодня. Павел Павлович убеждён, что дети должны начинать каждое утро с разминки. Он знает, что редко из них кто делает дома зарядку. Поэтому все уроки труда он передвинул на утренний час.

При мастерских — раздевалка. Здесь у каждого свой халатик. Павел Павлович тоже в халате. Если в классе вид у него немного суровый, то здесь — совершенно простецкий.

Павел Павлович учит ребят владеть столярным и плотницким инструментом. В классе семь девочек, девять парнишек. Мальчики мастерят, как правило, грабли, навильники и лопаты. Девочки больше имеют дело с кухонной утварью и посудой, не забывают и про игрушки.

Люба пытается сделать пастуший свисток. На столе у неё два прибора для выжигания, острые ножички, ножницы, заготовка. Руки у Любы напряжены, а выражение глаз озорное. Справа, рядышком с нею, Раиска — пыхтит, вырезая ольховую ложку. Слева — Наташа, корпит над взъерошенной шишкой, превращая её в ежа.

Ложки, ежи — всё это у Любы уже не раз получалось. Теперь ей хочется сделать такое, чего не делал в классе никто. Со свистком она мается третий урок. Испортила пять заготовок. «Всё равно его выжгу, — упрямо думает про себя. — Он мне нужен. Буду с ним летом пасти коров, как дядя Алёша».

Прибор прожёт в длинной липовой палке сквозную дыру. Сейчас Люба вырежет два оконца. После возьмёт жестяные полоски и вставит их так, чтоб они высекали серебряный свист даже от лёгкого дуновения. Затем посадит на клей берёсту — и свисток готов.

Где-то сзади по мастерской ходит учитель. Голос его раздаётся то тут, то там. С кем-то смеётся. Кого-то журит. Кому-то подкидывает идею. И вдруг в его голосе — жёсткая нотка.

Люба на пару секунд оставляет работу, оборачивается и видит Валерика Цыкина, сына колхозного счетовода. Он стоит в петушиной позе, руки в карманах халата, на худеньком личике — вызов. Перед ним зазубренная доска. Павел Павлович спрашивает его:

— Ты что из неё собираешься делать? Лопату?

— Лопату.

— И который урок колдуешь над ней? Четвёртый?

— Четвёртый.

— Не любишь, гляжу я, крестьянскую-то работу?

— Мне это не пригодится, — ответил Валерик.

— Как так? — не понял учитель.

— Крестьянином быть я не собираюсь.

— А кем собираешься?

— Журналистом.

Павел Павлович отвернулся, отошёл к окну. Там по колону в снегу стояли берёзки. Из них должно было вырасти слово «СЕЛИЩЕ». Вырастет ли оно? Как ни странно, это зависело от таких, как вот этот насупившийся Валерик. Встретясь взглядом с глазами Валерика, Павел Павлович грустно спросил:

— Скажи по совести: дома ты в чём родителям помогаешь?

Валерик попробовал вспомнить. Но вспомнить не мог и сказал невнятно и тихо:

— Во всём...

— Например?

— Ну-у, убираю разные там игрушки, когда поиграю.

— Это само собой, — согласился учитель. — А в огороде? В хозяйстве?

— В умывальник воды наливаю.

Все, кто это услышал, заулыбались.

— И всё?

— Телевизор включаю и выключаю.

Кто-то присвистнул. Павел Павлович обернулся и покачал головой.

— А ещё?

Валерик развёл руками.

— Всё. Боле меня ничего делать не заставляют.

— Почему должны заставлять? Надо бы, кажется, самому.

— Может, и надо. Да где работу-то найду. Нету её для меня.

Павел Павлович улыбнулся.

— Она, выходит, как невидимка, всё время прячется от тебя.

— Кто? — удивился Валерик.

— Работа.

Учитель прошёлся по мастерским.

— Надо помочь Валерику, — громко сказал он, — отыскать в его доме хитрую невидимку. Сделать так, чтоб она перестала прятаться от него. Это задание я поручаю Рае, Наташе и Любе!

Задание было не из приятных. Однако отказываться нельзя. Поэтому девочки, пошептавшись, договорились между собой, что соберутся к Валерику после уроков, как только сходят домой.

Так и сделали, как решили. Собрались к двум часам у обшитого свежими досками пятистенка. Вошли.

Валерик лежал на кровати за занавеской. Выглянув, он показал им свой крохотный кулачок.

— Противные подхалимки! А ну убирайтесь отсюда!

— Сначала встань! — попросила Люба. — К тебе девочки всё же пришли.

— Я вас не звал! Чего вам здесь надо?

— Мы здесь для того, — объяснила Наташа, — чтобы найти для тебя невидимку!

— Поможем разуть твои маленькие глазки, — добавила Рая, — тогда ты её, может быть, и увидишь!

Валерик презрительно усмехнулся:

— Ищите, ищите!

— А вон! Посмотрите, девочки! — Наташа кивнула на стол. — Чего только нет! Тарелки немытые! Тут и учебники, и тетради! Неужто, Валерка, ты со стола убирать не умеешь? Если так, сейчас мы научим! Гляди повострей да запоминай!

Валерик чуть приподнял лохматую голову над подушкой. Моргая, он наблюдал, как его одноклассницы носились по кухне: одна доставала воду из печки, вторая гремела грязной посудой, а третья, убрав учебники и тетради, вытирала тряпкою стол.

— Эво как чисто! — сказала Наташа, похлопав ладонями по столу.

— Это мы сделали для тебя! — подхватила Раиска.

— Чтобы ты не обманывал нас, — улыбнулась Люба, — будто тебе нету дома работы.

Валерик спрыгнул с кровати, пнул половику, вымещая на нём раздражение, и сердито передразнил:

— Для тебя! Не обманывал! Чисто! Очень-то мне ваша помощь нужна!

— Девочки! — громко сказала Наташа. — Мы, видно, плохо открыли ему глаза.

— Тогда покажем ещё одну невидимку! — воскликнула Люба и поглядела на пол со сбитым половиком, поленьями, сваленными около печки, и старым берёзовым голиком.

Третьеклассницы снова взялись за уборку. Одна свернула половики. Вторая пошла их вытряхивать. Третья стала пол подметать.

Валерик совсем растерялся. С ногами залез на кровать и глядел оттуда, не зная, что ему делать.

— Сейчас придёт мать, — сказал он с угрозой, считая, что этим девчат напугает и те тотчас же сбегут. — Она вам задаст! Знаете, как она лихо умеет ругаться! Сердитая...

— Подобрее! — ответила Люба. — Увидит нашу подмогу, так и спасибо нам!

Валерик забился в угол кровати.

— Это я вам припомню, — угрюмо пообещал.

Тут девочки с самым решительным видом подошли вплотную к кровати.

— Ну-ко сходи! — приказали ему. — Будем постель заправлять! Видишь, как всю её искомякал!

Это Валерика доконало. Он проворно слетел с одеяла и начал его, спеша, поправлять. Поправил и умоляюще посмотрел на незваных помощниц.



— Вы, это, хватит! Больше, это, не приходите!

— А если Пал Палыч снова заставит?

— Нет! Нет! Не заставит! — заверил Валерик.

На другой день на перемене девочки втроём направились к задней парте, к Валерику.

— Как дома-то у тебя? Не больно ругали?

— Хвалили, — буркнул Валерик и покраснел, вспомнив, что мать с отцом, возвратившись с работы, долго шептались между собой, а потом выспрашивали его: почему ныне в доме так чисто, прибранно и уютно? Уж не сам ли Валерик всё это сделал?

Валерик им ничего не ответил. Всё-таки совестно было выдавать чужую работу за свою. Но когда спросили его: уж не каждый ли день будет у них теперь дома такой порядок, он набрался духу и несмело пообещал:

— Я постараюсь...

Следующий урок труда был в четверг. Валерик за целый урок разогнулся лишь раз, и то потому, что к нему подошёл учитель. Осмотрев лопату, Павел Павлович улыбнулся:

— Значит, нашёл свою невидимку?

— Нашёл, — ответил Валерик сконфуженно.

Обернувшись, с неудовольствием обнаружил, что Раиска, Наташа и Люба глядят на него внимательными глазами. Глазами, которые очень уж хорошо умеют отыскивать невидимку.

ТОПИТСЯ БАНЯ

Пионерский сбор третьеклассников проходил под девизом: «Пионер и дома первый». Практикантка Антонина Евгеньевна спрашивала ребят: где, когда, чем и как они помогают взрослым? Пионеры стеснялись и отвечали настолько казённо, что слушать их было скучно. Юра Непряхин сказал, что он обожает вообще всю работу, а какую именно, как ни старался, а вспомнить не мог. Лёня Коронкин заявил, что любит только полезное дело, а вредное — нет. Вася Терентьев заверил, что он берёт пример с самых лучших людей, так как сам хочет быть самым лучшим. И всё в таком духе.

Антонина Евгеньевна оживилась лишь после того, как над партией вырос взволнованный Колька Тулин.

— Я буду, как мой отец, работать в поле на тракторе. Иногда отец разрешает забраться к нему в кабину. Даже даёт порулить. Этой весной я поеду с отцом пахать яровое поле.

Понравилось Антонине Евгеньевне и выступление Мишки Попова, который всегда весь тянулся вместе с рукой, чтобы его заметили и спросили.

— Мне дома сказали, что из меня выйдет на все руки мастер. Всё дело в них! — Мишка потрянул руками, показывая их практикантке. — Они всегда у меня при деле. Уж больно я люблю чего-нибудь строить. В воскресенье с дедушкой Севастьяном клал в его доме русскую печь. Дедушка мне сказал, что работа эта хоть и грязна, да денежна, как никакая другая. Он мне заплатил три рубля. Только я их не взял. Сказал ему, что я пионер. А пионеры должны помогать бесплатно.

Пришлась по душе практикантке и откровенность Наташи Завязкиной.

— Я вместо мамы хожу в магазин. Покупаю всё, что велят. Дома я мою пол и посуду. А в магазин хожу, даже когда меня и не просят. Мне нравится, как работает тётя Маруся. Наверно, я тоже пойду в продавцы.

Вслед за Наташей высказалась Раиска:

— А я в воспитательницы пойду. Я научилась шить на машинке. Шью одежду для кукол. И для братика шью. С братиком я гуляю. Учусь ездить на лыжах. Ругаю, когда он шалит.

Выступление Любы было самым коротким. Она настроилась было сказать, что делает по хозяйству. Да вспомнила, что об этом уже говорили. Не повторять же ей чьи-то слова. И она растерянно улыбнулась.

— Так много вокруг всяких дел. А я ничего почти не умею. Например, хотела бы я научиться доить колхозных коров. А вот получится ли — не знаю.

Антонина Евгеньевна успокоила Любу:

— Всё ещё у тебя впереди. А то, что хочешь работать дояркой, — похвально! Этой профессией надо гордиться. Она из самых важных и обязательных на земле.

О своём выступлении вспомнила Люба дома. Практикантка её похвалила. А может быть, зря? Люба и в самом деле пока ничего не умеет. Хотя и пора бы уметь. Надо однажды попробовать сделать такое, за что бы мама её расхвалила.

Сегодня суббота. Но всё равно с работы придут родители поздно и сразу начнут заниматься баней. А что, если истопить ей самой?

И вот она в огороде. Прогребает в снегу до бани дорожку. В ногах у неё — чуть видимый среди снега — белый клубок с поднятым кверху хвостом. Это Снежок, тот самый котёнок, который чуть было не утонул, да Люба этому помешала. Он тычется мордочкой в валенки, рад, что Люба взяла его на прогулку.

— Снежок! Не задеть бы тебя! Побойся! — С силой, двумя руками открывает Люба пристывшую к косяку квадратную дверь.

В бане темно. Глаза привыкают не сразу. В конце концов различают оконце, полóк, две скамьи и каменку-печь.

Люба знает, что надо делать. За водой далеко. Так она её снегом заменит. Снег под рукой. Бери его прямо с порога.

Снег в ведре словно пена коровьего молока. Люба черпает пышную пену. Ведро за ведром.

Кажется, хватит. Котёл переполнен. В сумерках бани верх его тускло белеет, будто вершина далёкой горы.

Теперь — по дрова. С котиком на плече возвращается Люба к дровянику. Находит там санки и грузит на них сухие поленья.

— Может, хочешь домой? — спрашивает котёнка.

Тот сидит на берёзовых кóзлах. Шёрстка на мордочке распушилась, лапки спрятаны под живот.

— Не хочешь! — Люба снимает котёнка с козел, пересаживая его на санки с дровами. — Значит, со мной! Устраивать Африку! Но-о! — подгоняет себя.

Баня в другом конце огорода. Люба бежит рысцой, как лошадка, то и дело оглядываясь, чтоб не выронить пассажира. Но Снежок сидит как бывалый ездок.

Добежала Люба до бани. Вся запыхалась. Сняв рукавицы, даёт себе маленький отдых.

Огороды, изгороди, деревья, задние стены домов — всё покоится в чистом снегу. На улице хоть и не солнечно, а светло. Однако девочка знает, что день в декабре уходит с земли незаметно и, чтобы вечер враспloch не застал, надо спешить и спешить.

Люба срывается с шумом. Снежок, испугавшись, прямо с воза влетает в предбанник, исчезая в его полутьме. Девочке некогда отвлекаться. Она за работой. Носит в баню



поленья, строит из них в устье каменки клетку, ломает лучину, кладёт её под дрова и, найдя на скамье коробок, с первой спички запаливает берёсту. Чувствует Люба, что дело идёт у неё как надо. Она ощущает себя умелой и взрослой. В каждом движении — опыт, будто она уже стала хозяйкой, всё знает и понимает.

Дым повалил, выгоняя хозяйку из бани. Люба выскакивает с ведром. Постояла, слегка отдышалась, зачерпнула побольше снега и вновь нырнула в развалистый дым. Освободила ведро — и назад, чтоб опять зачерпнуть и опять исчезнуть среди дыма.

Раз в минуту она исчезает. Медлить нельзя: пламя в топке лижет чугунное днище, превращая снег в воду. Вода же может вся испариться, и котёл накалится до красноты. Люба носится как угорелая между холодом и жарой. То из бани, то в баню.

Наконец, увидев в котле снежный тающий диск, Люба решает передохнуть.

Вышла из бани, поймала Снежка, побрела вдоль забора, натаптывая тропинку. Она не заметила, как перелезла за изгородь огорода и добралась до середины поляны. Рядом вытянулись сугробы. Ползут, как живые, через поляну, выбирая новые лежбища для зимовки.

Снежок, учуяв что-то враждебное, вдруг зацарапал лапами по фуфайке и даже трусливо мяукнул. «Чего это он напугался?» — подумала Люба и разглядела за ближней опушкой большого взлохмаченного коня. Тот встал на дыбы под туго натянутою уздечкой, вот-вот метнётся Любе навстречу.

— У страха глаза велики! — крикнула Люба. Конь оказался обычным вискорнем — пнём толстой осины, переломленной ветром.

Вспомнила Люба про баню. Скорее назад! На бегу даже котика обронила, и тот, боясь остаться один, ретиво прыгал по рыхлому снегу.

Люба снова нырнула в сиреневый дым. Туда со снегом. Обратно без снега. Звякала дужка ведра. Метался Снежок. И вдруг перед Любой возникла мама. Возникла внезапно, как ниоткуда.

— Ты же могла устроить пожар!

— Не-е! — Платок у Любы съехал куда-то назад, и она смотрела на маму из-под сбившейся осыпи русых волос. — Это исключено! Я ведь делала так, как ты!

— Сравнила! — сказала ей мама. — Я взрослая, ты девчонка!

И, войдя в предбанник, сквозь дым обнаружила беспорядок. Пол весь уляпан сырыми следами, повсюду поленья и щепки, а возле стены, под скамьёй, угрожая пожаром, чадила затлевшая тряпка: в неё залетел стрельнувший из каменки уголёк.

Наведя на скорую руку маломальский порядок, мама вышла из бани, намереваясь помощницу наказать.

Однако Люба, не дав ей опомниться, с ходу перешла в наступление:

— Мама, скажи: сколько было тебе годов, когда ты впервой истопила баню?

— Десять-то было.

— Мне тоже, мамочка, десять, — напомнила Люба. — Значит, я в тебя удалась?

— Удалась, — согласилась мама.

— Правда, пока не во всём, — добавила Люба.

Мама насторожилась:

— В чём бы ты ещё хотела?

— Печь в избе ты топить научилась тоже, поди-ко, в девчонках?

Маме сделалось страшновато. Пожалуй, дочурка, оставшись одна, может и печь истопить. Смелости хватит. Но нет! До такого нельзя допустить. Она сурово сдвинула брови.

— Этого я не помню, — сказала и вспомнила маму свою, то есть покойную бабушку Кланю, которая шибко её ругала, когда она в первый раз, будучи точно такой же, как Люба, взялась истопить на кухне русскую печь, забыв при этом открыть задвижку и вьюшки. — А что? — спросила как можно строже. — Хочешь попробовать, что ли?

Люба кивнула:

— Очень хочу!

— После, когда повзрослеешь, — нахмурилась мама, — но не теперь. Теперь с тебя хватит и бани. Поди-ко, умаялась вся?

— Нек-ка! — Люба схватила ведро, нагнулась и срезала им почти полсугроба.

Тут же бросилась она следом за мамой в дымную баню, откуда шёл перемешанный с треском горящих поленьев угрожающий клёкот кипящей воды, в которую надо было добавить свежего снега.

ПОСТУПОК

На последнем уроке Колька Тулин, таясь, из-под парты показывал кое-кому из ребят деревянный наган, который от резинки стреляет дробинками и горохом.

Как только звонок отзвенел и Павел Павлович вышел из класса, все третъеклассники бросились к Кольке.

— Дай взглянуть!

— Дай потрогать!

— Дай стрельнуть!

— Коль стрелять, так по цели! — ответил Колька и, как предводитель, пошёл впереди ребят к раздевалке, а после — на улицу, к школьному палисаду, за которым стояла стайка ветвистых рябин. Там, среди недоклёванных ягод, всё время резвится пернатая мелочь.

Ребята заметили трёх снегирей. Колька отвёл деревянный ударник, бросил в дуло нагана дробинку, вытянул руку, прицелился и щёлкнул. Никто не верил, что попадёт. Да и сам-то Колька не верил. Потому ребята и ахнули, разглядев, как две алые птички метнулись за здание школы, а третья упала под дерево, где и осталась.

Ребята притихли. Всем сразу стало нехорошо, точно здесь совершилась расправа, каждый мог помешать, но почему-то это не сделал.

Подбитую птаху увидел и Павел Павлович, вышедший в эту минуту из школы. Покачав осуждающе головой, посмотрел на стрелявшего Кольку:

— Завтра об этом поговорим! — И, подняв меховой воротник, пошагал, сутулясь, к распахнутым настежь воротам.

Тотчас же пошли по домам и ребята. Колька шёл среди них, самый рослый и долгоногий, в коротком пальто, в карман которого он сердито заталкивал свой злополучный наган.

Люба тоже двинулась было со всеми, однако стало ей беспокойно. Она затопталась на месте, потом свернула с мостков, повесила ранец на доску забора и услышала скрип отворяемой двери. Решила дожидаться, пока не пройдут ватажки ребят из второго и первого классов.

И вот промелькнула последняя тройца пареньков. Всех увела за собой утоптанная дорога.

Люба вздохнула. Штакетник, зажатая снегом калитка, мостки, выходявшие на дорогу, — всё было таким утишаю-

щим и спокойным, что, казалось, здесь никогда ничего не случится.

Однако шагах в десяти, в палисаднике, под рябиной лежал продуваемый ветром подбитый снегирь. Перелезла Люба забор, прошла по сугробам, нагнулась над снегирём, посмотрела внимательно. Кажется, жив! Положила его в рукавицу. Домой! Может, ещё и очнётся.

На Кольку Тулина Люба здорово рассердилась: как будто он расстрелял из нагана всех снегирей и теперь на школьных рябинах будет всегда уныло и пусто.

Были сердиты на Кольку и Павел Павлович, и ребята. Люба видела, как на другое утро перед началом уроков Колька показывал свой наган. Предлагал даже сделать ударником хлёткий щелчок. Но никто наганом не соблазнился. А Павел Павлович, едва вошёл в класс, первым делом взглянул на Кольку и иронически произнёс:

— Как спалось, Коля Тулин?

Колька ответил:

— Нормально.

— Теперь расскажи, — продолжил учитель, — для чего ты вчера подстрелил снегирия?

Колька нахмурился:

— Не хотел я в него. Думал, промажу. А наган взял и вдарил прямо по цели.

— Птица — это же голос природы. А ты её взял и убил... — Павел Павлович подбирал такие слова, чтобы они как следует проняли шалопаю. Он ещё не закончил, как вдруг услышал вспыхнувший шёпот.

Со средней парты вдруг встала Люба. Все на неё обернулись, не понимая, чего она хочет.

А Люба, подняв на ладонях склеенный из картона игрушечный домик, поправила Павла Павловича:

— Не убил, а подбил.

— Как тебя, Чезлова, понимать? — заметил учитель.

И девочка рассказала, как вчера, подобрав снегирия под рябиной, она унесла его к себе в дом. Ещё вечером Люба была не уверена за подранка: встанет ли он на крыло? А утром увидела: жизнь победила, снегирь одолел свою боль и даже испробовал рисовой каши, которую Люба ему положила в чайное блюдце.

— Теперь он тут, в этом домике! — Глаза у Любы блестели. — Наверно, он может уже летать. Можно, Пал Палыч, его выпустить на свободу?

— Нужно! — ответил учитель. — Отпусти!

Люба направилась было из класса, как вдруг почему-то остановилась.

— Нет! — сказала она. — Пускай его выпустит Тулин.

Класс внимательно посмотрел на Кольку. Тот, краснея, поднялся и, бережно взяв домик, скрылся за дверь.

Павел Павлович, Люба и все остальные ребята приехали к окну. Вон на крыльце показался взъерошенный Колька. Наклонился над домиком, снял с него крышу — оттуда тотчас же выпорхнул алый снегирь. Сделав круг над школьным двором, уселся на ветку той самой рябины, с которой вчера подстрелил его Колькин наган.

Птица порхала среди недоклёванных ягод, радуясь свежему воздуху и свободе. Колька постоял, потом достал из кармана наган, размахнулся и бросил его куда-то за палисадник.

Ребята загомонили.

— Это уже поступок, — сказал Павел Павлович. И все увидели, как его сухощавое, в резких морщинах лицо помолодело, высветившись улыбкой.

НА ВАСИНУ ПУСТОШЬ

Мороз сегодня умеренный, даже не щиплет. Однако Люба одета так, будто её ожидает ночёвка среди сугробов. Мама велела надеть толстый вязаный свитер, на который еле налезла фуфайка, и полушалок с кистями. Оттого она и похожа на колобок.

Любин папа едет за сеном. На Васину пустошь. Туда четырнадцать километров. Поедут двумя тракторами с бригадой навальщиков. Среди отъезжающих папа — старший. Любу, чтоб меньше было хлопот, он брать не хотел, да она упросила. И вот идут отец с дочкой к концу деревни, где мастерские.

Погода выдалась как по заказу. До этого всю неделю пуржило. Правда, снежинки кружатся и сейчас, но такие беспомощно слабые, что Люба думает: это последние, больше не будет.

Сквозь облака, прояснив горизонт, блеснуло жёлтое солнце. Оттого, что редко оно в декабре, смотреть на него хочется улыбаясь. Зыбкие лучики робко ласкают реку, её

берега, чёрный глянec проруби, белые крыши деревни, дымы над домами и опушённую снегом дорогу, где Люба с папой печатают валенками следы.

Ещё не прошли и деревню, а Любе важно установить:

— Папа, а много нас будет?

— Может, и много.

— А мы уместимся все?

— Должны.

Люба боится, как бы она не осталась без места.

— Нет, папа. Трактор хоть и большой, а кабина в нём ровно клетушка. Все и не влезем.

Папа ей объясняет:

— Кроме клетушки будут у нас ещё выездные хоромы.

— Что за хоромы?

— А вот послушай. Без ног бегут, безо рта орут, дороги не знают, а нас провожают?

— Как интересно! — Люба смеётся и чувствует в то же время, что загадка, пожалуй, ей не по силам. — Только мне, поди-ко, не отгадать. Чего это, пап?

— Сани!

Дочка подпрыгнула от восторга.

— На них и поедем?

— Кто на них, кто в кабине.

— Я на санях!

Папа, конечно, не возражает. Пусть прокатится по морозцу. Раньше, мальчишкой, он тоже любил на санях. То ли в лес по дрова, то ли в поле за зимней соломой, то ли кого отвезти срочно в город. Раньше без конных саней как без рук. Никуда без них не подашься. И теперь они есть. Только большие. Их даже и не санями, а волокушами называют. Возят их стосильные трактора. Вот и сегодня два трактора с волокушами откроют к Васиной пустоши первопуток.

За деревней, где мастерские, гараж и навесы, на фоне снегов чернеют два тягача. Возле них суетится народ. Слышен скрежет железного дышла — цепляют к трактору сани. Потом в тишину упал металлический говор тяжёлой машины. Тут же к нему пристроился и второй. Беседуют тягачи, как степенные мужики. Любе слышится в их голосах сосредоточенность и забота, словно они размышляют вслух о дороге, которой сейчас поедут, о том, сколько людей с собой заберут, как долго будут стоять под погрузкой и сумеют ли засветло возвратиться назад.

ДОГОНЯЛКИ

Взрослые никого не взяли бы из ребят на Васину пу-стошь, да те настояли, благо почти у каждого был отец. А отцы отказывать не умеют.

Люба издали разглядела своих одноклассников. Вон Колька Тулин, весь почему-то вывалянный в снегу. Вон и Мишка Попов, скачет, как на пружинах, среди собирающихся людей. А там и Валерик Цыкин, скучный какой-то и неподвижный, точь-в-точь застоявшийся на морозе зимний пенёк. И Наташа Завязкина тут, развесёлая задирушка, любившая спорить и брать в спорах верх.

Николай Иванович сразу ушёл от дочки к переднему трактору, где колхозники сбились в тесный кружок. В центре его — дядя Аркаша Тулин, Колькин отец.

— Любка! Поди сюда! — Это Наташа зовёт. Она в передке волокуш, удобно устроилась на соломе. — У меня здесь мягко! На и тебе! — Вырывает клоч жёлтой соломы. — Садись со мною! Вдвоём веселей! — И тут же, встав на колено, нетерпеливо кричит: — Папка! Долго ещё не поедем?

Отец у Наташи тоже механизатор. Обернувшись на оклик дочки, рукой показывает к деревне, давая понять, что сейчас и поедут.

Тут чей-то внушительно-громкий и властный голос приказывает:

— По коня-ям!

Люба узнала голос отца. Повернувшись, глядит на него: куда же он сядет? Отец без слов её понимает, кивает на трактор дяди Аркаши и приглашает дочку к себе. Люба мотает головой: дескать, я тут, с ребятами, здесь веселей!

На задних санях среди ребятешек — сторож фермы дядя Алёша Драницын. Остальные взрослые — там, на передних.

Скрежетнули замки, дрогнули дышла, и сани толкнулись за тракторами. Ехали быстро. Сначала деревней, потом — зимним полем, там — перелеском и зимняком.

Зимняк петляет по тесному лесу. Справа толкаются тени, слева — жмуркое солнце. Солнце лезет сквозь ветки и расстилает по снегу рябые рогожки.

Увлекательно ехать зимой среди леса. Ехать и ждать:

что откроется дальше? Изогнувшись, Люба заглядывает вперёд. Там — бессолнечный лог. А на взгорке его — берёзы. Берёзы движутся и мерцают, словно кто-то невидимый их своими проворными пальцами торопливо перебирает. Любе видится чуть ли не бабушка-мастерица, что плетёт белоснежные кружева, наряжая ими зимний пригорок.

Когда подъезжают ближе, Люба смотрит на берёзы с разочарованной грустью. Ничего волшебного. Всё очень буднично и привычно. Такие деревья видит девочка каждый день, и они даже чуточку ей надоели. Правда, в этих берёзах она замечает какую-то беззащитность: у дороги им стоять неуютно и зябко. Нечем прикрыться от стужи. Помочь бы им. Да вот как? Люба чувствует, что она и сама-то озябла. Озябла, как эти голенькие берёзы. Сразу вспомнила папу. Ему хорошо. Сидит себе в тёплой кабине, курит свои папироски, и дела нет до неё.

Однако, взглянув на ребят, нахохлившихся от мороза, Люба стыдит себя и решает, что может справиться с холодом, как и все.

Дядю Алёшу тоже проняло до озноба. Сидит и стучит пятками о настил, а рукавицами, белыми и большими, хлопает друг о друга, и звук от этого хлопанья — будто рядом вытряхивают постель.

— Не вспотели, ребяташки?! — Дядя Алёша обводит щелявенькими глазками юных попутчиков.

И вот уже Колька Тулин толкает Мишку Попова:

— Небось ожарел?!

— Угу! — соглашается Мишка.

— Так поди охладись!

Мишка ныром летит в придорожный сугроб. Сперва и не понял, в чём дело, потом развернулся в снегу, проворно вскочил. В долгополом пальто, с чёрной чёлкой, упавшей на глаз, раззадоренный и сердитый, скачет вслед за санями, точно ушибленный воронёнок. Ни за что, казалось бы, не догнать. Да тут трактор зашёл в поворот, скорость резко упала, и Мишка, сопя, завалился в зад волокуш.

— Теперь ты остудись! — И бросается к Кольке.

Колька многим его здоровей, не поддайся он — век бы не спихнуть его с волокуш.

— Ой, убивают! — Колька падает в снег распластавшимся лягушонком. Затем поднимается — и вдогонку. Настичь сани важно ему не сразу, не резким рывком, а с хоро-

шей долгой пробежкой, чтоб размять мышцы тела и разогреться. Добежал, прокатился, как чурбачок, по настилу саней и словно нечаянно сшиб с них Наташу.

Визг такой, что деревья в испуге отпрянули от дороги. Наташин отец сбавил у трактора скорость, не сразу смекнув, что ребята нарочно затеяли догонялки, дабы их не обидел дорожный мороз. А когда смекнул и прибавил трактору скорость, повалилась в сугроб и Люба.

Ах, как долго она бежала, хохотала взахлёб, махала руками и вместе с первыми каплями пота почувствовала теплынь, заходившую в ней по всем жилочкам и суставам.

И только Валерик Цыкин остался нетронутым на санях. Сидел, как тетерев на суку. И даже Колька не мог ничего с ним поделывать, хотя подбирался к нему не раз, спрашивая со смехом:

— Э-э, писарь! Тебя разогреть?

Валерик болезненно морщил лицо, изображая ту самую муку, которая может возникнуть, если ребята станут к нему приставать.

И от него отступились.

Валерик глядел на ребят, осуждая мысленно их бабловство, ибо видел себя почти взрослым, ушедшим вперёд на несколько лет. Он представлял себя будущим журналистом, который ездит по всей стране, смотрит, как, где, что делают разные люди, чтобы потом написать об этом статью.

Ныне он тоже будет смотреть. Смотреть за погрузкой колхозного сена, запоминать, кто и с каким усердием станет работать. Это сегодня. А завтра с подсказкой отца, который всё время даёт в газеты заметки, Валерик впервые в жизни напишет статью.

— Смотрите! Смотрите! Красненькое горит! — раздаётся ликующий голос Любы.

— Ага! — поддерживают её Колька с Мишкой. — Это мороженая калина!

— Никакая вам не калина! — спорит Наташа. — А брови! Тетеревиные брови!

— Леший пасёт краснобровое стадо! — уточняет с улыбкой дядя Алёша.

Валерик молчит. Не интересны ему ни калина, ни брови, ни стадо. Он снисходительно смотрит перед собой. Всё это выдумки. А к выдумкам он относится с неприязнью.

ВОСКРЕСШЕЕ ЛЕТО

Навальщики сена, подъехав к цепочке стогов, спрыгнули с волокуш и с трёхрогими вилами наперевес пошли распечатывать сено. Ребята тоже пошли. Кто куда. Одна Люба осталась. Осматривает окрестность. Справа — болотце, слева — избёнка, впереди — увитые снегом стога. На самом дальнем из них ворочает шеей ястреб-тетеревятник. Видимо, недоволен. Здесь он владыка и никого не боится. Разве людей. Но люди возьмут своё сено, уедут отсюда, и снова он тут хозяин и властелин.

Взмахнув сталистыми крыльями, ястреб снялся со стога. Путь у него недалёк — до ближайших деревьев.

Гонимое ветром, бежит по сугробам перо. Люба соскочила с саней. Напустила на валенки шаровары и погналась за пером. Поймала его, подняла, сдунула с рукавицы и смотрит, как лёгонькое перо, мелькая в воздухе, исчезает.

Навальщики сена все при работе. И трактористы с ними. И Любин отец. Сено взлетает на вилах пласт за пластом. Пахнет июльским лугом. В воздухе плавает лето.

Ребята разбрелись. Со взрослыми только Валерик. Выставил ногу вперёд и внимательно наблюдает.

На какие-то две-три минуты Любин взгляд приманивает болотце. Тракторы стихли, и потому она слышит шелест осоки. Шепчутся пышненькие метёлки, нагоняя грусть. Любу отрывают от болотца взмахи коричневой рукавицы, которой отчаянно ей сигналил Наташа.

Наташа возле избёнки. Тут же крутятся Колька и Мишка. Ребятам всегда интересно проникнуть туда, где никто не живёт. Но дверь заперта, и напрасно они норовят отворить её силой. Люба из прясла в заборе вытягивает жердину. Вставляет её в дверную скобу. Вчетвером заводят жердину. Дверь под таким рычагом вот-вот распахнётся. Да от возов доносится голос:

— Не смейте охальничать! Там у нас косы, грабли и топоры!

Люба глядит на избушку. Крыша её обвалилась, брёвна темны, а оконце смотрит печально-печально. Любе становится не по себе.

— Пойдёмте утаптывать сено! — зовёт она к тракторам.

Ребята бегут по снегу. Кто всех быстрее! Вот и возы! Уже нагружены в рост человека. Навальщики раскраснелись. Увидев помощников, улыбаются и поднимают их вверх.



— Готовы?

— Готовы! — сопят ребята.

Колхозники, крикая, подают от стогов ломковатое сено. Оно срывается с вил пудовыми ношами, подминая ребят под себя. Ребята взбрыкивают, визжат, уминают пласты, бойко выплясывая на них. Однако сено летит вверх быстрее, чем они его топчут, и кто-то уже запнулся, кто-то упал, кто-то, поскользнувшись, скатился к навалыщикам сена.

Мужики ухмыляются. Сами когда-то были такими: задора много, силёнки чуть-чуть. Предлагают помощникам сбегать в лесок по рябину.

Предложение всем по душе. Увязая в снегу, точь-в-точь журавли на болотце, спешат ребята к ближнему перелеску.

Долго они петляют по снегу среди тонкостволых рябин. Ягод достаточно. Птицы не все поклевали. Возвращаясь к возам, каждый несёт по охапке ягодных веток. Сами поели терпкой рябинки. Пусть и взрослые поедят.

День стекал вместе с солнцем на западный склон голубых небес. Ещё какой-нибудь час, и из засады выползут сумерки, завоюют всю землю, и станет вокруг нелюдимо и глухо.

Цепочка стогов на пустоши поредела. Было восемь, осталось четыре. Возы на санях круто подняты вверх, закреплены верёвками и тяжёлами. Можно и в путь!

Но сначала обед, тот самый походный, когда много хлеба, немного воды, огурцы, варёные яйца, лук, солёные помидоры и сало. Поели вскладчину и, закусив напоследок мёрзлой рябинкой, все, кроме механика и трактористов, ловко вскарабкались на возы.

Поехали так же, как и сюда: на одних санях под прищмотром дяди Алёши ребята, на других — навалыщики сена.

Солнце ещё не село. Тени осин и ёлок бежали с обеих сторон дороги. Бежали, размахивая ветвями, будто отставшие седоки.

СПОР НА ВЕСЬ БОР

Возы покачивает спокойно, точно внизу не дорога, а медленная река. Угомонившиеся ребята лежат, зарывшись в сено по самую шейку. Люба рядом с Наташей.

— Трактор-от как идёт! — говорит Наташа. — Ровно по гладкому полу. Нигде не тряхнёт! За рычагами-то кто? Мой папка!

Пожимает Люба плечами:

— При чём тут твой папка? Здесь дорога без ям. Вот и катит, как по столу.

Наташу задело.

— Ши, Любка! Ты, видно, не знаешь, что папка мой лучший в колхозе механизатор!

Люба показывает назад, на идущий следом за ними трактор, в кабине которого — дядя Аркаша Тулин.

— У Кольки Тулина — тоже механизатор!

На лице у Наташи скептическая улыбка.

— С моим не сравнишь!

Люба оглядывается на Кольку.

— Туля, — спрашивает Наташа, — у тебя отец какой тракторист?

— Обыкновенный, — смущается Колька.

— Вот! — торжествует Наташа. — Мой тоже был раньше обыкновенный! А теперь он известный на весь колхоз!

Любе не нравится разговор, и она одёргивает Наташу:

— Отцами не хвастаются! А ты?

— Я не хвастаюсь! Я правду о нём! Его фотография даже в газете! И вообще, мой папка ужас какой хороший! Он и вино если пьёт, никогда не пьянеет! С мамой не ругивался ни разу! А одевается как! У него три костюма! Ботинки на толстой подошве! А шуба! Шубу ему привезли из района. Ну а поёт!..

Люба смотрит на Наташу, не понимая:

— Как поёт?

— Красиво и громко! А ещё на всех праздниках пляшет...

Перебивает Люба подружку:

— Твой папа хороший! Только ты о нём как-то уж слишком.

— А чего я такого сказала? — вспылила Наташа.

— Зачем шубу-то приплела? — вмешался Мишка Попов.

— А затем! — Голос Наташи отчаянно взвился. — Такую шубу не скоро и купишь! Скажи мне: твой папа носит такую? — Наташа взглянула на Мишку с заносчивым превосходством.

— Не носит, — понурился тот.

— А твой? — спросила Наташа и Любу.

Люба смолчала.

— А мой и в кино в ней! И в гости! И на собрание... Колька Тулин не дал продолжить Наташе:

— Он что? Купил её там, где другие не могут? По блату?

— Не по блату, а по знакомству! У папки друзей — уй-ю-ю! Они ему всё — стоит папке лишь захотеть...

Наташа зашла далеко и сама не заметила, как настроила против себя всех ребят.

— Расхвасталась, бахвалёшка! — буркнул Мишка Попов угрюмо.

— Я не расхвасталась! Я говорю!.. — заспорила было Наташа, однако Люба опять её перебила:

— Говоришь-то ты бойко, а слушать тебя...

— Как меня слушать? Как?

— Обидно и горько, — закончила Люба.

Продолговатое с гнутыми бровками лицо Наташи разгневанно покраснело.

— Видеть тебя не хочу! — закричала на Любу. — Забралась на мой воз! А ну убирайся! Слезай, говорят!

Люба тоже могла бы ответить криком. Однако взяла себя в руки. Знает: злость у подружки вскоре пройдёт. И Люба намеренно вежливым голосом предлагает:

— Останови, пожалуйста, трактор!

Наташа мигает:

— Чего-о?

— Как же я с твоего воза слезу, если ты трактор не остановишь?

Все засмеялись. Наташа смутилась и даже голову опустила. Что за дурной у неё характер! Любит, чтоб в споре ей всегда уступали. Повиниться бы ей сейчас перед Любой. Однако не может.

Перекатившись с правого бока на левый, она отползает на новое место. И вдруг замечает Валерика. Тот запрятался в сене, и только лицо наострилось, вот-вот, казалось, клюнет сердитую спорщицу носом.

— А ты чего смотришь?! — кричит Наташа, срывая на нём свою злость.

Валерик покорно, без слов, переползает на новое место. Переполз и, обиженный, думает про себя, что когда-нибудь он расплатится с этой девчонкой, покажет, как с ним разговаривать надо.

Уже вечерет. Деревья словно бы тянутся ближе к дороге. Безмолвно кивают макушки. Вверху облака. Плывут куда-то на запад, где распылалась заря. Дорога блестит, будто на ней кто-то пролил клюквенный морс и теперь он медленно подстывает.

ЕСЛИ СВИСТНЕТ СНЕГИРЬ

Лес сторожает и хмурится. В глуховатых прогалах его собирается ночь. Ночь в лесу. А над лесом ещё колеблется вечер. Солнце виднеется еле-еле, однако заря от него охватила склон неба, налив его, как запруду, золотисто-гладкой водой.

Люба глядит на зарю, жалея о том, что скоро она потемнеет. Слышится шорох. Это дядя Алёша. Перевалился через тугую верёвку, сел и смотрит на Любу внимательным взглядом, намереваясь о чём-то ей рассказать.

— Опять на красное загляделась? — смеётся.

— Опять.

— И чего там увидела?

— Ничего. Так. Закат.

— Не соглашусь!

— Почему?

— А ты глаза-то раскрой пошире! — советует дядя Алёша. — Тут и увидишь, что это розовый бредень!

Изумилась Люба, словно около уха свистнул зимний снегирь.

— Бредень?

— Ёлки его связали, бросили в омут, хотят поймать златопёрую рыбу. Видишь рыбу-то?

Люба видит лишь золотой гребешок от закатного солнца. Да и тот куда-то свалился за ельник.

— Не вижу.

На голос дяди Алёши, жарко пыхтя, подползли все остальные ребята.

— А вы, партизаны? — спрашивает у них.

— И мы не видим! — за всех отвечает Наташа, придя в себя от недавнего спора.

— Оно и понятно! Порвался бредень-то. Вот рыба куда-то и унырнула. Но ничего. Не грустите. Скоро будет кино.

— Какое кино? — любопытствуют Мишка и Колька.

— Цветное!

— Не ври-ко давай! — слышится голос Валерика. Голос тоненький и ехидный, с желанием дядю Алёшу изобличить.

— Не вру! — заверяет колхозник. — Минут через пять на ёлки цветной половик упадёт.

— Половик?! — Ребята почти навалились на дядю Алёшу, ловят каждое слово.

— Половик-от будет со звёздами и луной, — объясняет дядя Алёша, при этом взмахивает рукой, точно пытается стронуть заснувшую лошадь.

Лязганье гусениц. Запах холодного сена. Луна, взошедшая над лесом. Окружает ребят не явь, а декабрьская сказка.

Конечно, без дяди Алёши они её бы не разглядели. Потому и не сводят глаз с пожилого, в детской шапчонке, курного мужичка, словно он к ним и в самом деле явился из сказки.

ССОРИТЬСЯ НОЧЬЮ В ЛЕСУ НЕ НАДО

Когда трактор остановился, все, кроме Наташиного отца, подумали: ненадолго, минута-другая — и снова возы поплывут по дороге. Однако трактор замолк, лязгнула дверца, и из кабины, пригнувшись, вышел Василий Фролович Завязкин.

Ребята, вытянув шеи, насторожились.

— Папка, — спросила Наташа с надеждой, — ты ведь всяко не изломался?

Тракторист ничего не ответил, прошёл по гусенице вперёд, открыл капот и начал копать в моторе.

Вскоре к нему, обходя по снегу воз с сеном, приспели дядя Аркаша и Любин отец.

Раздался стук гаечного ключа. От стука этого стало всем неприятно.

— Хотя бы заглох-то перед деревней, — сказал с сожалением Колька Тулин, — а то на серёдке пути.

— У деревни бы встал, — добавил Мишка Попов, — тут бы мы и домой!

— Что интересно, — ехидно вставил Валерик Цыкин, — изломался-то трактор как раз у лучшего тракториста!

Насмешник считал, что его слова оценят и Наташу поднимут на смех.

Однако никто не смеялся. Колька с Мишкой переглянулись, а Люба спросила:

— Неужто ты рад?

— Пускай Наташа не задаётся! — ответил Валерик. Это был уже вызов. Могла ли Наташа стерпеть?

— Задаюсь? — спросила она.

Валерик был беспощаден.

— Давно ли тренькала про отца, — сказал он язвительным тоном, — известный механизатор!

— Известный! — заспорила с ним Наташа.

— У известного, — улыбнулся Валерик, — трактор в дороге не спотыкается, как худая кобыла.

Растерялась Наташа. Надо бы ей на обидное слово ответить обидным. Да она его не нашла. Губы её задрожали:

— Мой папа тут ни при чём! Мало ли почему ломается трактор!

Валерик развеселился. Кажется, он рассчитался с Наташей.

— Мало ли, много ли! Дело-то ведь не в этом! А в том, что мы отдыхаем! А кто для нас отдых устроил? Известный механизатор!

Девочка побледнела:

— Я не знала, что ты такой злой и сварливый!

На это Валерик лишь усмехнулся:

— Зато не хвастливый!

Мишка Попов покачал головой:

— Ну ты и ехидный!

— Ехидный — это не я! — парировал Цыкин.

— А ты какой?

— Я дальновидный!

Колька Тулин тоже не выдержал.

— Ты, Цыка, какой-то слизкий. Тебя, видать, облизал телёнок.

Этого Цыкин не ожидал. Он не терпел, когда над ним потешались.

— Он где-ка теперь? — спросила Люба с насмешливым интересом.

— Кто-о? — Валерик вытаращил глаза.

— Да этот, который тебя облизал? — ответила Люба, и все рассмеялись.

Валерик сжал в рукавицах костлявые кулачки. «Чего они на меня? Что я им сделал? Ух! Это они от зависти. Завидно стало, что я их умней, вот и пошли на меня...»

Ошибался Валерик. Зависти не было у ребят. Они о нём сразу и позабыли. Им стало вовсе не до него, потому что в эту минуту с ведром в руке прошёл от трактора Любин отец. Плеснув горючим на коряжистый пенёк у дороги, он вынул спичечный коробок. Чиркнул. Бросил горящую спичку. Пень охватило столбом золотого огня.

— Подите сюда! — Механик вскинул пустое ведро. — Погрейтесь, пока мы налаживаем машину!

Уговаривать дважды ребят не надо. Мигом съехали вниз. И дядя Алёша за ними.

Костёр горел, улетая вверх юркими языками. Справа темнели деревья, слева — возы. Со второго воза слышался храп. Кто-то из взрослых заснул, не зная о том, что остановились.

Наломав еловых сучков, ребята их подтащили и бросили в кучу. Подкладывал топливо дядя Алёша. Низкорослый, в больших рукавицах, с пылающей палкой, малиновыми щеками, он был похож на старинного колдуна.

Ребята притихли и даже чуть оробели, со всех сторон к ним придвинулась ночь.

Было торжественно и угрюмо.

— Скорей бы отсюда! — сказала Наташа, выразив общее настроение.

— Давайте подкладывать боле не будем! — предложила Люба. — Как пень догорит, так мы и поедем!

— Как же, жди, — ухмыльнулся Валерик. Однако его никто не расслышал.

Где-то упала сушина, и шум от неё дошёл, как тяжёлый вздох крупного зверя. От заднего воза высветилась дуга — кто-то из взрослых, не докурив, бросил в сугроб сигарету.

Вскоре у трактора, где собрались трактористы, послышался говор и смех. Тут же хлопнуло газом и заработал мотор.

— Кто хочет домой — забирайся наверх!

Люба узнала голос отца. Засыпав снегом костёр, с ребятами вместе побежала к высокому возу. Вскрабкалась, опережая Наташу и дядю Алёшу, на ощупь нашла себе захопонку, залезла туда. Тягач тяжело дёрнул воз и поехал вперёд, торопясь за бегущим по снегу прожекторным светом.

ОКОЛО ДОМА

Выплески света тракторных фар отбирают у ночи лишь малый кусочек дороги. Особенно сумрачен вид густохвойных деревьев. Там, в затишье ёлок и сосен, дремлет угрюмый декабрь. Здесь, на дороге, лязгают траки. «Быстрее бы домой!» — хочется Любе. Да и не только Любе, а всем, кто едет сейчас по зимней дороге, видя возле себя звериную тьму.

Медленно тянется время. Надоело смотреть на дорогу и лес. Надоело слушать монотонный шорох полозьев. Люба закрыла глаза.

Одну минуту всего и дремала — и вот перед нею знакомое поле. А там, за полем, — весёлая стайка огней.

— Деревня! — Люба отводит от лица колковатое сено и видит сквозь мглу полусонные лица ребят.

— Приехали! — улыбается дядя Алёша, хотя до Селища ещё километр.

Но километр сокращается, сходит на нет. Справа по склону — высокое здание зернотока. А вон и ворота в деревню.

При виде родимых подворий ребята один за другим съезжают с крутого воза. Первым спускается Колька Тулин. Следом — Мишка Попов. После — Валерик. Люба видит заснеженный двор и дом, три окна которого залиты светом. Машет рукой Наташе и дяде Алёше.

— До завтра! — И тоже съезжает прямо в сугроб. Почему-то не хочется подниматься. Лежать бы здесь и лежать, слушая, как разговаривают друг с другом уходящие трактора. Один говорит: «Сегодня я поломался, подвёл и себя, и тебя, стыдно даже в гараж возвращаться». Второй успокаивает его: «В дороге чего не бывает! Так что, браток, не тужи. Худо ли мы постарались — доставили с пустоши сено, и все коровы будут теперь при кормах!»

Люба встаёт из сугроба, смотрит вдоль улицы: нет ли там папы?

Но на улице ни души. Папа снова домой возвратится самым последним.

Слышен скрип отворяемой двери.

Это Любина мама! Кутаясь в шаль, выходит на низенькое крыльцо.

Сбивая с себя рукавицами снег, Люба бежит ей навстречу.

ТРЕТЬЯ ТРОПИНКА

Люба редко когда застаёт родителей дома. В школу уходит — их уже нет. Из школы приходит — ещё не вернулись. А если вернулись, то кто-то один из них, и ненадолго, чтобы задать скотине кормов и тут же уйти снова на работу. Днём как у мамы, так и у папы свободного времени нет, есть лишь колхозное, и его им всегда не хватает.

Почему-то сегодня, вернувшись из школы, Люба не сразу взошла на крыльцо. Задержали её две тропинки. Ничего особенного в тропинках. Обе белые, с бережками отвесных сугробов, побиты следами от валенок и галош. Видит их Люба по многу раз в день, а по одной даже бегаёт в школу.

Однако сегодня она увидела в этих тропинках особенный смысл. Они уводили папу и маму. Папу налево, в сторону мастерских, а маму — направо, в сторону фермы. Это были их трудовые тропинки. Люба взгляделась в след своих валенок. Он бежал по следу галош, который оставила мама. «У мамы эта тропинка на всю её жизнь! — подумала Люба. — А у меня? Неужто не как у мамы?»

Поёжилась Люба — сильный ветер набежал откуда-то с поля, схватил её шарф и начал разматывать с шеи, словно хотел унести куда-то с собой. Изловив его, Люба заметила почтальоншу тётю Тамару с кожаной сумкой через плечо. Та звала, махая свёртком газет:

— На-ко, Любушка, вашу почту!

Люба повесила ранец на скобу в воротах и побрела напрямую по снегу.

— Ой! — заругала себя почтальонша. — Ну-ко, заставила деушку мять целину. Не начерпаешь, Любушка?

— Не, — ответила Люба, чувствуя, как по ногам её сверху вниз скользят попавшие в валенки, точно колючие рыбки, снежные струйки. Добрела до тёти Тамары, взяла у неё газеты и снова попала в собственный след. «Вот и я пробила свою тропинку». Она уже сделала пару шажков, опять ощущая ногами холодные струйки, как тётя Тамара остановила:

— Любушка?! Ты бы уж заодно взяла газетки-то и соседям! Занесла бы им! А то я по этому снегу так утопталась, что ног не чую. Ступаю, ровно на нанятых.

Люба вернулась, взяла ещё одну стопку газет. Тётя Тамара поправила сумку, склоняя к Любе обветренное лицо. И Люба с какой-то недетской жалостью разглядела

в серых глазах почтальонши, морщинках около губ и тонком плече под ремнём, державшем почтовую ношу, старушечью слабость. Тут же она ощутила своё здоровое тело, и стало неловко ей оттого, что тётя Тамара была такой приморившейся и усталой. От мысли, что может она заметить почтальоншу, Любе сделалось так хорошо, легко, что она немедленно предложила:

— Я не только к соседям! Я ко всем занесу!

Тётя Тамара не знала, что и ответить, хотя в душе была рада неожиданной подмоге.

— А как же уроки?

— Выучу и потом!

— А папка с мамкой? Не заругают?

— Как бы не так!

— Право, не знаю...

— Всё! Я пошла! Давай твою сумку, тётя Тамара!

В первом доме, куда вошла Люба с почтарской сумкой, кроме Раиски с Аркашей она застала их бабушку Гелю. Забирая газеты, бабушка улыбнулась:

— Широко ли пошла?

— По всей деревне! — ответила Люба.

— Рановатенько ты! Однако и я начинала в эту же пору.

— Почту, что ли, носила?

— Казённые вести! — Бабушка Геля присела на лавку. И Любе велела присесть. — Я хоть и бабка, а лет мне немного — всего пейсят пять. На пенсию только что вышла. Всю жизнь в полеводстве. А начинала с вестей. Война зашумела, мне было, как и тебе теперь, десять годков. Председатель колхоза меня усадил к телефону. Чтоб я дежурила с вечера до утра. Мало ли кто из района позвонит. Вот я и сидела ночами в конторе. Чуть звонок — я уже на ногах. Бегу к председателю что есть духу. Сколько было этих звонков! Бывало и так, что в ночь раза по два, а то и по три звонили. Ну я и летаю туда-сюда, ровно летаечка, по деревне...

Бабушка Геля бойкоречива, можно её до вечера слушать и не дождёшься конца. Однако Люба сегодня при деле. Ей тётя Тамара доверила почту, и надо срочно её разнести.

— Я пойду, — говорит, поднимаясь с лавки. И видит, как возле порога торопясь надевает пальтишко Раиска. И Аркаша, громко сопя, волочит из-под вешалки чёрную шубку.



Бабушка окликает:

— Вы куда это-о?

— С ней! — Аркаша кивает на Любу.

— Почту носить! — добавляет Раиска.

Пятьдесят четыре дома в Селище. В двадцати из них побывала тётя Тамара. В остальных побывает Люба. Да и не только она. Редко в котором доме нет ребятишек, и каждому лестно пристроить свой шаг к шагу молоденькой почтальонки. Оденутся наспех, догонят Любу где-нибудь за калиткой и непременно попросят почтовую сумку, чтоб испытать её груз на плече.

Пестрея шапками и платками, с весёлым гомоном и смехом спешит зимней улицей стайка маленьких письменосцев, идёт от дома к дому, передавая друг другу почтовую сумку.

Давно ли сумка была тяжёлой и пухлой. И вот отощала и полегчала. Захлопнута дверь последнего дома. В сумке одна только стопка газет, которую Люба взяла от тёти Тамары в самом начале.

Теперь можно и домой. Правда, не сразу. Сначала к тёте Тамаре. Отдать ей почтовую сумку.

Изба почтальонши рядышком с Любиным домом, через дорогу. Зашла в неё девочка, разглядела в сумерках кухни тётю Тамару, ступившую к ней навстречу от истопленной печки. На сухощавом в тонких морщинках лице почтальонши благодарность.

— Не больно намяла? — коснулась ладонью Любиного плеча.

— Нек! — рассмеялась Люба. — Нас было много. Моему плечу почти не досталось! — И побежала домой, где её дожидались горячий обед, Снежок и невыученные уроки.

У ворот, сняв с железной скобы свой ранец, она обернулась и увидела три тропинки: папину, мамину и свою.

ВЫСОТА

Больше всего на свете Люба любит мечтать. Нет-нет и задумается о встрече с чем-нибудь редким и необычным или о том, какой она будет, когда подрастёт. Всё-то ей интересно.

Вот и сегодня возник в ней нетерпеливый вопрос: откуда

приходит на землю вечер, как он долго живёт и куда исчезает, когда появляется ночь?

Стояла она в раздумье на крыльце, где только что встрясла половик. Совсем недолго стояла, однако смекнула, что эту задачу отсюда ей не решить: слишком узок обзор. Нужна высота, с которой она бы могла увидеть не только двор с огородом, но и окрестности всей деревни.

Люба заметила дровяник и приставленную к нему строительную стремянку, по которой можно забраться на крышу. Сбежала с крыльца. Забравшись на покатуую крышу, смотрела в просторы снегов, караулила первые синие тени. Но вскоре замёрзла. Пришлось спуститься.

Люба вошла в дровяник. Заметила там чурбаки. Чтобы согреться, решила попробовать их расколоть. Выбрала самый податливый и короткий и, подняв тяжёлый топор, что было силы ударила им по кряжу. Топор вонзился глубоко. Люба напрасно старалась вынуть его из кряжа. Расстроилась, да что поделаешь? Вышла во двор. И снова залезла на дровяник.

Огороды, изгороди, дома — всё схоронилось под белым снегом. Нет, не под белым, отметила Люба, скорее — под голубым. Значит, уже сгущается воздух и сумерки движутся по земле. Откуда они? Наверно, из лесу. А что, интересно, в лесу?

Люба взглянула внимательно за кусты и поляну, где подрёмывал старенький ельник. Деревья стояли покойно и смирно. И вдруг резво тронулись с места, взмахнули хвойными ветками и помчались то ли в панике, то ли в страхе. Догадалась Люба: это ветер. От него такое движение в ёлках. Этот ветер она и сама ощущает, пробрался к ней под платок и трепещет возле уха, точь-в-точь сырая травинка.

Запрокинула Люба голову. Облака! Никогда не видела, чтобы шли они так тревожно и низко, словно тоже, как лес, спасаются от погони. А погони-то вовсе и нет. Есть лишь ветер, гонит он пухленькие снежинки. Она поймала несколько штук на ладонь. Поднесла близко-близко к глазам. Белые звёздочки с неба! А чем они пахнут? Вроде, ничем. Да нет. Они январским воздухом пахнут. И кажется, небом. Улыбнулась Люба, вообразив, что небо послало земле своих путешествующих посланцев.

Снежинки посыпались густо. Встала белёсая мгла. Ветер куда-то пропал. Люба как ни смотрела, а, кроме снежи-

нок, не видела ничего. Даже крыльцо в этой мгле от неё уплывало, чтобы исчезнуть из глаз.

Вздрогнула Люба. Огни! Они вспыхнули, как из засады. Будто вышли голодные волки и, проколов зрачками снежную муть, из конца в конец осветили деревню.

«Я видела, как начинается вечер!» — подумала Люба и, предовольная, словно открылась ей тайна, слезла на землю.

Вскоре пришли с работы папа и мама. Поужинали все вместе. Стали смотреть телевизор. Шёл приключенческий фильм. Собиралась Люба сразу же после фильма снова забраться на дровяник и оттуда увидеть ночь: как она будет сближаться с вечером и как завладеет землёй? Но веки смежило, и Люба заснула. Папе пришлось унести её на кровать.

А снег за окнами падал и падал. Падал весь вечер. И ночью падал. Было в нём много спокойствия, чистоты, много такого, отчего человеку видятся сны.

Снились Любе весна, зелёное поле и низко реющий самолёт. Самолёт подкармливал озимые. Летел он, будто послушная птица. Кроме пилота в нём молодой агроном дядя Коля Синицын и Люба. Самолёт пускал над полями шлейф удобрений. Люба смотрела в иллюминатор. Последний круг самолёт совершил над деревней.

— Какая красивая! — улыбнулся пилот. — Как называется?

— Читайте! — ответила Люба и показала на крышу школы, возле которой стояли прижившиеся берёзки, образовав собою большое зелёное слово: СЕЛИЩЕ.

Сон был похож на мечту. Но было у сна и реальное продолжение.

На следующее утро как раз по дороге в школу Любе встретился агроном.

— Дядя Коля! — спросила Люба, волнуясь. — Вы полетите весной подкармливать с самолёта хлеба?

Агроном, крепкощёкий, румяный, в кожаной шапке и полушубке с бараньим воротником, остановился, слегка озадаченный и смущённый.

— Полечу! А чего?

— И я хочу с вами!

Агроном удивился:

— Зачем?

— Хочу прочитать с самолёта название нашей деревни.

— Если так — постараюсь с пилотом договориться. Жди! — Дядя Коля махнул перчаткой в сторону школьного пустыря, где под напористым ветром сгибались молоденькие берёзки. — Как листвою они обрастут, так и подыдемся в воздух! Я тоже хочу прочесть с высоты название нашей деревни!

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Уж так повелось у Любы, кажется, с первого класса, что в школу она приходит одной из первых. Часто придёт, а школа ещё на замке. Что ж, Любе не скучно. Играет с кем-нибудь во дворе или стоит на крыльце, глядя, как в одиночку, парами и гурьбой приближаются к школе ребята.

Открывает школу старая Анна Ивановна. Иногда Павел Павлович открывает. Одна Александра Петровна приходит всегда под звонок, только-только успеет раздеться, взять журнал — и скорее в свой класс.

Анна Ивановна вызывает к себе у Любы постоянную неприязнь. Виновата, наверное, тут внешность учительницы. Низенькая старушка, одета всегда старомодно: долгополая шуба, платок, а на нём меховая плоская шапка. И лицо с мрачной миной, будто кто-то её обидел и она затаилась, решив обидчику отплатить. Люба знает, что это обманчиво. И всё равно встречаться с Анной Ивановной ей неприятно. Только увидит её, так сразу и портится настроение. Вон Александра Петровна всегда весёлая, с нежным румянцем, будто вышла на праздник и сейчас запоёт с ребятами песню.

Люба как-то спросила у первоклашек:

— Каково вам с Анной Ивановной? Поди-ко, злая она?

— Не-е, добрая. Она никого не ругает.

Не поверила Люба ребятам. Наверно, её боятся, вот и хвалят не по заслугам.

Неделю назад Люба, прыгая по ступенькам крыльца, едва не сшибла Анну Ивановну с ног. Та даже портфель обронила и отступила. Люба сконфузилась, ожидая, что Анна Ивановна сделает ей замечание. Но та неожиданно улыбнулась.

— Старость — не радость, — сказала Анна Ивановна и

показала девочке на портфель. — Ну-ко, коза-дереза, возьми у меня!

Портфель был тяжёлый. Люба еле его подняла.

— Это книги? — спросила, входя за Анной Ивановной в школу.

— Книги.

— Вы что же, каждый день такую тяжесть и носите, что ли?

— Пятый день как ношу.

— А зачем?

— Накопилось их много. Вот и надумала все их в школу перетаскать. Мне — зачем? Давно прочитала. Теперь читаете вы!

— У нас будет библиотека?

— Что-то вроде неё.

— А можно мне записаться?

— Почему бы и нет, — сказала Анна Ивановна, пропуская Любу с портфелем вперёд.

В учительской на самодельных полках, пестрея корешками, стояло около сотни больших и маленьких книг. Анна Ивановна прибавляла к ним новые книги.

— Много ещё у меня, — сказала она, — половины не принесла. Так что, ребятки, будьте добры, заходите сюда, берите их и читайте!

Люба ушла, взяв с собою «Маугли» и «Незнайку». Она стыдила себя за то, что видела в Анне Ивановне только плохое. Теперь она думала об учительнице с любовью.

Вечером Люба поведала маме об Анне Ивановне:

— Я-то считала её злокой. А на самом деле она хорошая.

Мама задумчиво улыбнулась:

— Когда-то она учила меня. И отца твоего учила.

Тут Люба вспомнила и сказала:

— Мама, сегодня мы о ней спорили в классе. Кто она: солдатка или вдова?

— Право, не знаю. Замуж-то вышла Анна Ивановна в сорок первом. Недели с мужем не прожила — война! Взяли мужа на фронт. А оттуда, считай, с сорок первого года никаких известий о нём. Где он? Что с ним? До сих пор ничего о своём Александре она не знает. Так и состарилась, ожидая.

— У неё никого и родных?

— Никого. Всю жизнь, как помню её, учительницей была. Пять лет назад могла бы на пенсию выйти. Да отказалась. Без школы не может никак. Без вас, ребятёшек, ей было бы грустно и одиноко.

В этот же вечер узнала Люба от мамы, что у Анны Ивановны день рождения скоро, на неделе. Заволновалась в предчувствии тайного дела. Поймав момент, спросила у папы:

— Пап, в городах зимой цветы продают?

— Продают.

— Ты бы мог привезти мне букетик?

— Для чего?

— Это тайна! Её нельзя говорить, иначе испортится дело.

Разве мог отказать отец единственной дочке? В город ездил он часто. Потому через день и привёз букет алых гвоздик, отдал его дочурке и улыбнулся:

— Не спрашиваю, зачем. Раз надо для доброго дела — бери!

Рассмеялась Люба. Так уж рада была! Так рада!

На другое утро она прибежала в школу за полчаса до начала уроков. Заглянула в дверь к первоклашкам. Там — никого.

Открыла Люба портфель и достала оттуда букет гвоздик. Положила цветы на учительский стол. А рядом с ними ещё и открытку, где было написано:

«С днём рождения, Анна Ивановна! Здоровья Вам и чудесного настроения!»

Анна Ивановна в этот день волновалась необычайно. Увидев цветы и открытку, она счастливо зарделась и, поглядев внимательно на ребят, улыбнулась:

— Спасибо, милые! Не забыли!

— Это не мы! — ответили ей ребята.

Анна Ивановна растерялась:

— Кто же тогда?

Класс промолчал.

Анна Ивановна снова спросила.

Но первоклассники лишь пожимали плечами.

Выходя из класса, учительница прижала к себе букетик. Цветы полыхали радостно и приветно. Были похожи они на маленький костерок, который вот-вот разгорится, и его тепло отведёт от Анны Ивановны её одиночество и печаль.

СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД

Учительницу Александру Петровну, румяную от мороза, с нежным инеем на ресницах, в дорожном тулупе, накинутом на ослепительно белое платье, подхватив под левую руку, вводил в сельсовет агроном Николай Синицын, торопливый и радостный. Под полушубком чернела костюмная тройка.

В сельсовет входили они невестой и женихом. Выходили оттуда женой и мужем.

Сельсовет в деревне Горá. От неё до Селища — два километра. Свадебный поезд мчался по снежной дороге. Впереди — три коня, запряжённые в крашенные возки. Затем — председательский «газик». За «газиком» — грузовик.

На втором возке следом за молодыми ехал дядя Алёша Драницын, чья тальянка так громко рыдала и пела, что топот коней, скрип полозьев и рокот машин раздавались, как музыкальные подголоски.

Все три возка облеплены ребяtnей. Кто пристроился в крыльях саней, кто в передке, кто сзади за коробом, на полозьях. Люба нашла себе гнёздышко около дяди Алёши. Возбуждённая от езды, перезвонов гармошки и снежного ветра, она смотрела на бойко летевшие вдоль дороги метельные перемёты, макушки деревьев, нарядные гривы коней и яркие дуги.

Свадебный поезд не был бы таким броским, если бы Павел Павлович, зная о будущей свадьбе, не подал ребятам идею: всю конскую упряжь, какая найдётся в чуланах и сараях, доставить в школьные мастерские. На другое же утро ребята несли хомуты, недоуздки, оглобли, вожжи.

Люба тоже пришла не с пустыми руками. Принесла она колокольчики-погремки да ещё белоснежные кружева, отыскав их в длинном кованом сундуке покойной бабушки Клани.

Школьные мастерские стали похожи на те, где реставрируют старые вещи. Ученики за месяц узнали о свадьбе и готовились к ней: красили дуги, оглобли и хомуты. Ремонт же ветхих возков занимался колхозный столяр дед Севастьян. Работал он в пустовавшем гумне. И тоже всё сделал — не придерёшься. Ребятам лишь оставалось раскрасить возки. Сначала покрыли их грунтовкой. Потом по чёрному полю пустили те полевые цветы, какие растут в родимых лугах: подмаренники, смолки, калужницы и синюхи.



Художников было с избытком. Всяк рисовал свой любимый цветок. Павел Павлович лишь подправлял.

Теперь было любо смотреть на возки. Они пестрели в снегу, как лужайки, куда вот-вот прилетят стрекозы, бабочки и шмели.

В воскресную тишину деревни влетели с храпом бодрые кони. Яркие дуги, вплетённые в гривы Любины кружева, голос тальянки и погромков — всё это промчалось по улицам, словно летящий на сказочных крыльях радостный праздник.

У дома с балконом свадебный поезд остановился. Молодые прошли средь народа к крыльцу.

С верхней площадки крыльца на их обнажённые головы посыпались крупные зёрна пшеницы. Кто-то смеялся. Кто-то бросал кверху шапку.

— Совет да любовь, — первым выплыл старушечий голос.

Вслед за старушечьим — молодой:

— По-большому живите!

— Со весёлой душой! — ударило в воздух со всех сторон.

— Со весёлой! — ударило снова.

Люба, кричавшая вместе со всеми, привстала на цыпочки, чтоб рассмотреть, как молодые заходят в сени. Счастливые из счастливых!

Дома девочку ждал разговор.

— Скоро ты нас совсем разоришь, — сказала мама, взглянув на дочку с печальным укором.

— Почему-у? — удивилась Люба.

— Кружева, скажи мне, плетут для чего?

— Для подвесок! Для женской одёжи! Для украшений!

— А ты украсила ими коней.

Потупилась Люба.

— Я их нашла в сундуке. Думала, боле не пригодятся.

Мама вздохнула:

— Теперь уж, конечно, не пригодятся. И хотя бы взяла-то, спросившись. Так нет. Унесла, как большая. Двадцать метров! Старинные! Это ж богатство! Не для того нам бабушка Кланя его оставляла, чтобы мы заплетали им гривы коней.

Расстроилась Люба. Только теперь дошло до неё, какую она допустила промашку. И всё-таки было ей больше жалко не кружев, а маму. Вид у мамы был огорчённый. Люба задумалась: как бы её успокоить?

Она вспомнила бабушку Гелю, единственную в деревне, кто и поныне плетёт кружева. У неё и научится Люба за станком выплетать кружевные узоры. Бровки у Любы поднялись, когда она объявила:

— Кажется, буду я плетей!

Мама спросила:

— Не кружева ли плести?

— Кружева! — ответила Люба. — Точно такие, какие плела наша бабушка Кланя. Много-много их наплету. Украшу оконные занавески. Подзоры к кроватям...

— А гривы коней? — улыбнулась мама, уже простив дочуркину расточительность и беспечность.

— Хорошо бы и гривы! — призналась Люба. — Только навряд ли. Для этого кроме коней надо, чтоб были ещё и новые свадьбы.

Успокоила мама:

— Вон у нас сколько в Селище народу! А где народ — там и свадьбы. Так что, дочура, будут ли кони скакать с кружевами — это зависит лишь от тебя.

— Будут! Будут! — заверила Люба.

ВОСКРЕСНЫЕ ПИРОГИ

Проснулась Люба чуть свет и сразу полезла на печь, где стояла большая корчага. В ней мама вчера замесила пшеничное тесто. Вскарабкалась Люба и видит, что тесто уже вылезает наружу.

— Мама! — крикнула. — Оно сейчас убежит!

Мама топталась возле затопленной пёчки. Тотчас же — вверх.

— Спасибо, Любашенька! — похвалила. — В самое времечко позвала. — И, взяв корчагу, перенесла её с печи на стол. — Теперь начнём катать пироги!

Катают мама с Любой попеременно. На фанерном листе, куда брошена глыбка теста, ходит, вращаясь в ладонях, лёгкая скалка.

Наискосок от стола добродушно урчит объятая заревом русская печь. Там в позолоте печного жара стоят чугуны, кастрюли и миски.

Всё, что делает мама, пытается сделать и Люба. Вот наклонилась мама над ровно раскатанным тестом. Покрывает его то брусникой, то рыжиками в сметане, то мелко нарубленным мясом, то голубикой. Затем загибает края. И Люба видит, что получаются чуть ли не белые лодки. Скоро лодки отправятся в печь, зарумянятся там, разнося по комнатам праздничный запах, и на длинной, как кормовое весло, лопате возвратятся на кухонный стол.

Сегодня особенный день — воскресенье.

В воскресенье всегда пироги. В кухне жарко. Печь уже протопилась. Мама выгребла красные угли, высыпав их в жестяное на трёх чёрных ножках ведро. Поставила греть самовар.

Папа только что встал. Умывается. В воскресенье он поднимается поздно, отсыпаясь за всю неделю.

В ожидании вкусной подачи кудахчут и хлопают крыльями куры, высунув из-под пёчки в решётку свои бледноватые гребешки. Где-то мурлыкает кот.



Люба покуда без дела. Решает сбежать во двор посмотреть на птичью кормушку. Смастерила она её в прошлую зиму.

Люба оделась, насыпав в карманы ватника крошек, и быстро выбралась на крыльцо.

Светаёт. Где-то вдали за деревней занимается скудный рассвет. Морозом чуть-чуть обжигает лицо.

Под берёзой — еловый чурбак. Люба встаёт на него. Достает из кармана крошки. Ещё руку не вынесла над доской, а воробьи и синицы вспорхнули где-то меж веток, радостно пискнули и слетелись. Ничего они не боятся. Прямо из Любиных пальцев хватают крошки. Прыгают друг через друга. Толкаются. Даже дерутся. Один воробей, захватив клювом крупную кроху, уселся с ней к Любе на голову и, разделавшись там с добычей, снова спикировал к хлебной доске.

Кончились крошки. Птички расселись на берёзовых ветках, чистят пёрышки, тонко чиликают, как бы рассказывая о том, что завтрак был удивительно вкусным, однако они не наелись и надо бы им добавить ещё.

На крыльце появляется мать.

— Пироги на столе!

Возвращается Люба домой. Садится за стол между матерью и отцом. Пирог как румяные лодки. Среди них самовар с белым чайником на конфорке. Плавают кудри горячего пара. И запахи плавают. Самые крепкие запахи от запечённых рыжиков и брусники.

На улице вдруг заиграло. Ага! Это солнце. Оно проворно вскарабкалось над лесом, плеснуло лучами и вот, как парнишка в красной рубаше, напористо лезет в окно, желая занять за столом наилучшее место.

От солнца, от чая, от пирогов Любе становится весело и тепло. К ней на колени прыгает кот. Люба гладит его по мягонькой спинке. Гладит долго и терпеливо, пока Снежок, покорённый её ладонью, не замурлыкал котовую песню.

Слышатся в сенях шаги. Открывается дверь. Почтальонша. Люба, роняя Снежка, срывается с места. Принимает газеты. Берёт почтальоншу за локоть и приглашает к столу.

— Тётя Тамара! Сегодня у нас пироги!

— Да! Да! — зовут папа и мама. — Раздевайся, Петровна! Передохни да отведай нашенского печенья!

Люба смотрит, как почтальонша, смущаясь, снимает пальто и садится на краешек лавки. Люба в эту минуту готова приветить всех, кого она знает и даже не знает, и обязательно усадить на хорошее место, чтоб угостить пшеничными пирогами, которые очень уж удались.

МОРОЗ НА ДЕВИЧИЙ НОС

Сегодня из-за большого мороза занятия в школах отменены. Любе наказано, чтобы она никуда из дому не отлучалась.

Дома тепло. Мама, видимо, истопила две ноши берёзовых дров. Люба, позавтракав, растерялась, не зная, чем ей заняться. «Сейчас бы на улицу!» — помечтала. Там за еловыми стенами дома всюду разгулялся мороз.

Мороз подукрашен зябленьким солнцем. Оно какое-то детское, с робким румянцем, заглядывает в окно, норовя попасть к Любе, чтоб отогреться.

Любе хочется взглянуть на мороз: как он там раззадорился среди сугробов, так ли уж он нестерпимо жесток? Дома ей никак не сидится. Убеждает себя, что она ненадолго, только выглянет — и назад.

Люба одевается. Ищет на печке ватные рукавицы. Вместе с ними снимает пригревшегося Снежка.

— Ты у меня закалённый! — Люба сажает кота на плечо.

Люба ещё не вышла на волю, а уже ощущает мороз. Как скрипят под ногами студёные половицы! Как стреляют ступеньки крыльца!

Кот мяукнул и спрыгнул с плеча — ну несколько от снега неотличимый.

Люба чувствует холод, который покалывает лицо и пальчики в рукавицах. Чувствует Люба и красоту. Красота глядит отовсюду — с белёсых веток берёз, с дымов, поднимающихся над деревней, с заиндевелых заборов и банек.

Проскрипев поседевшими крыльями, пролетела ворона. А где же синицы? Где воробьи? Их нет ни на ветках берёзы, ни на кормушке. Куда они спрятались от мороза? Каково им сейчас? Может, сегодня они ещё и не ели?

Бежит Люба домой, открывает кухонный шкаф, насыпает крупы в рукавицу — и вновь на хрустящий инеем двор. К берёзе с птичьей кормушкой! Высыпает Люба крупу и пихает озябшие пальчики в рукавицу.

— Кушайте, бедненькие мои! — говорит, видя, как из-под свеса заснеженной крыши срывается парочка сереньких птах. И тут замечает Люба Снежка. Только что он сидел на крыльце. И вот уже спрыгнул. Что с ним? То низко прижмётся к земле, то подскочит с мяуканьем, то пронесётся едва не с приплясом. Играет так увлечённо, будто ему и мороз нипочём.

Присмотрелась Люба и поняла, что играет он воробьём, который, видимо, так замёрз, что упал на лету ледешком. А коту только того и надо. Побежала Люба к Снежку, топнула валенком на него:

— Вон, негодник!

Подняла Люба бедного летуна. Подышала. Да зря: мороз слишком лют. Поспешила домой. Забралась на приступки печи.

В тепле среди валенок и одежды воробышек вскоре оттаял, зашевелился, боязливо нацелив на Любу острый глазок. Посмотрел, повернулся на спичечных лапках и растопырил крылья и хвост, готовый немедленно полететь. Да Люба ему не дала. Удержала в ладонях и вынесла на крыльцо.

— Коли можешь — лети! — Разжала ладони и посмо-

трела ему вдогонку, когда он, подпрыгнув, метнулся к белой берёзе.

На хлебной доске сновало множество разных птичек. Были здесь воробьи. Были и синицы. А вон и снегирь. Круглоплечий, с яблочной спелостью на груди, единственный, кто не боится мороза, ходит среди продрогших от холода птах, колотит клювом по крупке, и стужа его не берёт. Наверное, он натёрся утренним снегом и, разогревшись до красноты, стал таким красивым и закалённым.

СОЧИНЕНИЕ

В классе был настоящий содом. Мальчишки носились так резво, что шёл от них ветер. Мишка Попов, забравшись на заднюю парту, пытался загнуть за голову обе ноги. Валерик Цыкин на классной доске рисовал какую-то страшную рожу. Наташа, вся раскрасневшись, рассказывала девочкам что-то смешное, а те махали руками, визжали.

Самым спокойным среди этого гама был Колька Тулин. Сидел он за партой, зарывшись в чужие тетради, и что-то списывал с них в свою. Увидев вошедшую Любу, Колька вытянул руку и заорал:

— Давай и твоё!

— Что — моё? — Люба остановилась.

— Домашнее сочинение!

— Но я же, — Люба моргнула, — я же писала о собственной маме?

— А я о собственном папе пишу! Давай! Может, чего и сгодится. Я вон у всех по строчке сдираю. Изменяю чуть-чуть, и хорош! Ну чего?

Люба ещё и портфель как следует не раскрыла, а Колька уже засунул в него руки, вытащил все тетради и, взяв ту, что по русскому языку, углубился в работу. Дописывал он торопливо. Надо было успеть. Первый — русский. И учитель, вполне вероятно, заглянет в его тетрадку.

Так и случилось. Войдя в смолкший класс, Павел Павлович первым делом осведомился:

— Как поработали с сочинением? Кто, поднимите руку, не написал?

Таковых не нашлось.

— Итак... — Павел Павлович подошёл к средней парте.

Колька Тулин сидел с превесёлым лицом человека, врасплох которого не застать. Взял у Кольки тетрадь. Прочитал сочинение. Хмыкнул.

— Странно, — сказал, покачав головой, — что-то не очень я понимаю. Вот послушайте! — Павел Павлович начал читать:

«За что я уважаю отца?»

Мой отец работает в колхозе «Аврора». Он механизатор. У него есть трактор, сеялка, плуг, борона и комбайн. Работает он заметно, не то что Валеркин отец, который считает в конторе на счётах. А на колхозной ферме доит коров Раискина мать. Она уважаемая доярка, и всё равно до отца моего ей далеко. После работы он интересно проводит со мной свободное время. Иногда шьёт на машинке красивое платье. В нём я хожу к кому-нибудь в гости или в кино. Мой отец, как и Любкина мать, пользуется авторитетом у всех колхозных доярок».

Последние слова учителя трудно было услышать, так как их заглушил смех. Смеялся со всеми и Колька. Павел Павлович снисходительно улыбнулся.

— Кто мог подобное написать? — спросил он, когда класс немного угомонился. — Только тот, кто не верит в собственный ум. Ну-ко вспомните мне: как у нас говорят в народе об этом?

Над партами тут же взошёл перелесок вскинутых рук.

— Цыкин?

Валерик вскочил, как подкинутый:

— Кабы знать, где упасть, тут бы соломы накласть!

— Хорошо. Но к нашему случаю не подходит. Что скажет Попов?

У Мишки одно на уме — как бы выгородить дружка:

— Не ошибается тот, кто не делает ничего!

Павел Павлович пожурил:

— Уходишь в сторону от вопроса. Драницына?

Раиска моргнула большими, почти в пол-лица, голубыми глазами:

— Умел ошибиться, умей и поправиться!

Ответы ребят были, может быть, не так и точны, но Павел Павлович был доволен. Ученики тренировали память, вырабатывали в себе сообразительность и смекалку.

— Завязкина?

— Как замешал, так и выхлебал! — громко, как в споре, сказала Наташа.

Неистоцима копилка народного языка. Ответ был хорош. И учитель с трудом удержался от похвалы, ибо она могла помешать третьеклассникам в поиске новых поговорок.

— Так! Послушаем, что нам скажут другие. Чезлова?

— На бога надейся, а сам не плошай, — ответила Люба, вставая.

— В самую точку! — сказал учитель. — Однако нельзя ли без бога? Тулин? Ты, что ли, сам?

Колька кивнул:

— Сам!

— Давай.

— Чужим умом в люди не выйдешь!

Павел Павлович закивал, глаза его залучились.

— Садись, Николай. Хотел поставить тебе единицу. Да чувствую: ты ошибку свою осознал и списывать больше не будешь. Не будешь ведь?

— Не!

Едва началась перемена, тетрадка с Колькиным сочинением пошла по рукам. Ребята читали и хохотали. Прочла и Люба. Посмотрев на девочек, спросила:

— Признавайтесь, подружки, в чём это платье наш Туля ходит гулять по гостям?

Вот когда Кольке стало нестерпимо стыдно! Он что-то невнятно пробормотал и, настигаемый девичьим смехом, проворно выскочил в коридор.

НА УГОРАХ

Умывшись, Люба достала себе из печи кастрюлю с похлёбкой, плоску картофельной каши и кринку топлёного молока. Пообедала, убрала за собой и уселась, не мешкая, за уроки.

Уроки Любе даются легко. Ещё бы! Такой у них в классе учитель. В Павле Павловиче Люба не чаёт души. Всё-то он знает на белом свете. Знает и то, что было, и то, что будет. А какой он рассказчик! Начнёт объяснять — и забудешь, что это урок, так интересно.

В окошко звякает ледешок. Это Раиска. Машет бамбуковой лыжной палкой — зовёт покататься с горы. Рядом с Раиской, тоже на лыжах, — Аркаша, из-за толстой старушечьей шали и шубы неповоротливый, как медвежонок.

Отложила Люба уроки. Доделает и потом.

— На какие угоры-то мы подадимся? — спрашивает Раиска.

Люба спешит в дровяник, выносит оттуда старые лыжи.

— На большие! Мы же с тобою не первоклашки!

Аркаша сияет. Он тоже не первоклашка.

Однако Раиска не очень довольна. Капризным голосом говорит:

— На большие я не согласна. На них в том году Колька Тулин сломал себе ногу.

— Это не наши печали! — смеётся Люба.

Раиска куксится:

— Ну а наши какие?

— Наши печали чертята качали! — Люба надела на валенки лыжи и побежала надóлбинкой — тропкой. Раиска за ней. И Аркаша туда же. Однако девочки шикнули на него:

— Ты-то куда-а? И не вздумай! Тебе не угнаться за нами! Вон твоё место! — махнули палками на забор, за которым белела горушка, где обычно каталась дошкольная детвора.

Оставив Аркашу, девочки двинулись дальше. До угоров метров четыреста. Угоры сбегают к реке Цареве. Снег на реке сиренево-белый. В кругу хвойных вешек чернеют пятнышки двух прорубок. Любе нравится снег. Нравятся ей и хвойные вешки, и осколки зелёного льда, остро блестящие под ветром.

Всю неделю стояла ясная, с лёгким морозом погода. Лишь сегодня дует и дует, небо заняли облака, и перемёты снега вздуваются гривками меж деревьев.

Раиска ищет спуск поположе. Находит его и катится вниз. Съезжает благополучно, но крику и визгу столько, что думаешь: вот-вот расшибётся.

А Люба стоит на вершине угора. Глядит с высоты на лыжню. Оттолкнулась, взметая палками снежные клочья. Ветер хлестнул по лицу. Ах, как жутко, как радостно мчаться и видеть гладко синеющий след между ёлок! По этому следу спускаются лишь смельчаки. Сумеет ли Люба? Должна! Но почему-то угор обрывается слишком быстро. Её

голова обгоняет полёт спорых лыж, а палки с размаху бьют по стволам, и на упавшую лыжницу сыплются снежные хлопья, залепляя рот и глаза.

— Ведь я говорила! — слышит Люба голос Раиски. — Тут изувечиться можно. Поди сюда лучше!

Подымается Люба, ищет в снегу рукавицы и палки и вновь забирается на угор.

Ещё два раза пыталась она устоять на лыжне, но оба раза внизу у подножия угора резко врывалась в измятый сугроб, набирая полные валенки снегу.

Наконец на четвёртый раз она пронеслась меж деревьями, не пошатнувшись. На середине реки она развернулась и, подняв лыжные палки, воскликнула:

— Ни крохи не боязно! Рая-я! Давай и тебя научу! Поехали вместе!

Но Рая вяло пожала плечами и вдруг заявила:

— Я уроки не делала. Пойду-ко домой. А то мне попадёт.

Обратно подружки бежали наперегонки. Толкались, падали, хохотали. Аркашу увидели между домами на маленькой детской горوشке. Люба напомнила Раиске:

— Братанчик-то тут остаётся? Не потеряешь его?

— Не-е! — Раиска была уверена в брате. — Воротится сам. Не впервой!

Люба, прощаясь, махнула подружке и забежала в дровяник, чтобы оставить там лыжи.

Дома её дожидалась «Книга для чтения». Раскрыв на закладке учебник, нашла «Зимний вечер». Стала учить.

Дверь неожиданно распахнулась. В кухню влетела Раиска. Лицо меловое.

— Аркашечка потерялся! — всхлипнула с горем.

Люба вскочила.

— А ты искала его?

— Искала на детской горوشке.

— А дальше? Он, может, уехал на наши угоры? Ты там искала?

— Там не-е.

— Что же ты, Ра-ая?

— Боюсь...

— А взрослым кому-нибудь говорила?

— Дак заругают...

Так горько и так отчаянно заболело у Любы внутри, что она не могла усидеть в тепле и минуты. Скорей! Одевалась

она на бегу. Запахнула фуфайку, повязала платок. И за лыжами — в дровяник.

И только попала ногами в крепления лыж, сразу поехала за деревню. Раиска крикнула, чтобы Люба подождала, пока она обернётся домой и тоже встанет на лыжи. Но Любе некогда ждать. Пусть Раиска её догоняет. Скорее! На берег Царевы!

Прошёл через снежное поле трактор, похожий издали на жука. Снялся с макушки сосны, хлопая крыльями, чёрный ворон. Всё это Люба отметила мельком. Её занимало другое: куда же Аркаша подевался? Что с ним?

Неожиданно потемнело: молчаливо и густо посыпал снег.

Люба доехала до реки. Воткнула в снег палки. Сделала рупором руки:

— Арка-а-ша-а?! Где ты-ы? А-у-у!!!

Никого. Вдоль реки вниз и вверх теснился густой хвойный лес. По лесу около берега проходила дорога. Ясно, что надо искать по дороге. Только куда вот идти? Люба свернула налево.

— Аркаша-а?! Отзови-ись!

Ехала и кричала. Однако никто не отзывался. Из глубин заваленного снегом леса, как из угрюмой страны, веяло тревогой.

Повернула Люба назад. Добралась до дороги, возле которой они катались. Постояла, подумала и направилась вправо, по зимнику.

Где-то вдали за мелким осиновым лесом, то есть за перепогом, покряхтывал, подымаясь в угор, гусеничный трактор. А здесь — ни души. Стало Любе не по себе. Вокруг только белые ёлки, точь-в-точь сердитые мужики, которые что-то не поделили и были готовы друг с другом схватиться.

Вдруг Люба споткнулась: за бровкой дороги, на выломанном пне увидела шубу, тут же и лыжи, и палки, и рукавицы. Одна лыжина — без носка.

Мальчик-то делся куда? И почему он разделся? Люба встревоженно огляделась. И снова стала кричать. Никто, однако, не отзывался.

Девочка испугалась. «Эдакой снег, а он без одежды. Беда!..»

И побежала. Снег под лыжами то поуркивал, то скрипел, то, казалось, жаловался кому-то, что его так топчут.

Увидела Люба Аркашу возле дороги на мёрзлой колоде.



Подлетела к нему. Схватила его застывшие руки. Стала дышать на холодные кончики пальцев. Аркаша поёжился:

— Больно и студёно.

— Почему разделся-то? А, зимогёрко?

— Лыжа сломалася! Я испугался. Стал бегать, искать дорогу в деревню. Весь ужарел, дак шубу и сбросил. Опять искал. И вот заблудился совсем.

Люба жалостно улыбнулась.

— Хорошо хоть живой! — сказала она, подымая его с колоды. Ноги у парня окоченели и не могли сделать шагу. Надо было бы с них сдёрнуть валенки и немедленно растереть. Но растирать среди снега — опасно. Не долго думая, Люба сняла с себя старенький ватник, хранивший тепло её тела, надела на малого и, забрав его в обе руки, тронулась медленно к дому.

— Палки-то позабыла! — напомнил Аркаша.

— Сиди! — приказала Люба, решив, что палки не пропадут, коли съездить за ними и завтра.

Вскоре она умаялась. Опустила Аркашу.

— Хоть маленько-то можешь идти?

— Не шевелятся ножки, — чуть слышно ответил Аркаша.

Любе стало досадно, что такая она малосильная: надо вот парня нести, а на это нет у неё ни выносливости, ни силы. И тогда она села на корточки.

— Садись на загорбок!

— Как на лошадку?

— Как на лошадку.

Люба почувствовала ручонки, которые мягко сдавили ей горло. Встала. Поехала потихоньку, с надеждой всматриваясь вперёд: не попадётся ли кто из взрослых?

Но впереди только снег. Минуту назад снег шёл хотя и обвально, но смирно. И вот его закрутило, стало расшвыривать вправо и влево, вниз и вверх! Вьюга! За четыре шага что-то можно ещё разглядеть. Дальше — белая кутерьма.

Любе бояться нельзя. Иначе она пропадёт да и мальчишку загубит. «Лишь бы не сбиться с дороги! Лишь бы!» — думает Люба.

От поворота дороги до дома — четыреста метров. А Люба уже ослабела. Аркашу она всего извертела: то понесёт на спине, то опять на руках.

Встретили их где-то возле самой деревни. Чьи-то руки схватили Аркашу. И Любу схватили и понесли вместе с лы-

жами сквозь метель. «Папка!» — узнала она и прижалась к нему.

— На печку! — сказала она, едва отец шагнул в избяное тепло. — Теперь я буду тут долго отогреваться! — добавила через минуту, уютно устроившись на печи.

ЯБЛОКО НА ЛАДОНИ

Простыла Люба так сильно, что временами чувствовала себя, как в раскалённой пустыне. Почти неделю возле неё дежурили мама и папа. На ночь рядом с её кроватью ставили раскладушку. Сегодня спала на ней мама. Оттого, наверно, Люба и пробудилась, что услышала скрип раскладушки. Мама сложила её, собираясь пойти на работу. Лицо у мамы со сна розоватое, на подбородке, как от горошины, — круглая ямка.

— Ты от меня уходишь?

— Да, Любушка. Надо. Сегодня папа с тобой побудет. А я к коровушкам побегу. У стельных телятки уже народились.

— Можно, мама, и я к теляткам? Они такие забавные! Я бы стала за ними ходить!

— Сначала поправься.

— Дак я не сейчас. Я потом, как здоровая стану. Ведь ты же знаешь: я после школы пойду в доярки.

Мама взглянула на дочь понимающим взглядом. Она сама, пока в начальную школу ходила, рвалась каждый день на колхозную ферму, благо там у неё работала мать. В десять лет научилась доить коров. И вот ей уже скоро срок. Сколько помнит себя — всё-то около стада. И дояркой была, и телятницей, и завфермой. Теперь — зоотехник. Отвечает за всех колхозных коров. Да ещё мечтает вывести собственную породу — неприязательных к корму высокодожных коров. Этих коров она «отменитыми» называет, то есть лучшими среди лучших.

Коров тех ещё нет, а Люба уже решила: обихаживать будет лишь «отменитых».

— Хочешь сразу в передовые доярки?

— Да! Да! — Люба взяла тяжёлую мамину руку в свою. — Хочу много-много доить молока! Чтобы было полно и масла, и творогу, и сметаны.

— Доброе дело!— Мама поправила одеяло и пошла по своим неотложным делам.

Вошёл к Любе папа — широкий, с обветренными щеками и сросшимся сводом кустистых бровей. Папа всю жизнь при машинах, и от него постоянно пахнет соляжкой. Люба спросила:

— Папа, ты снова из-за меня не пойдёшь на работу?

— Чего уж тут делать? Нечего, дочка. Взял вот неделю из отпуска. Посижу.

— Незакалённая я какая, — вздохнула Люба с досадой.

— Не казись, — посоветовал папа. — Ты у нас молодец. Поступила как надо!

— И любой бы так поступил. Ты, папа, скажи, неужто иначе бы сделал?

— Нет. Иначе нельзя. Было такое вот у меня. Рассказать?

— Ой, конечно!

— В сорок третьем году это было, в войну, — начал папа рассказ, подсаживаясь к кровати. — Я тогда был малёткой, ходил, как и ты, в третий класс. Слабосильный, однако нужда заставляла ездить в лес за версту по дрова. На лошадях-то колхозный лес вывозили, их не давали. Так мы, маломóжные ребятёшки, впряжёмся в санки вместо коней и везём.

Однажды, как раз по первому зимнему снегу, насёк в деляне ольшин, наклал их на чунки, то есть на санки, тащу себе, как бурлачок. И на-ко те, вижу, как от нашей реки Царевы к моей дороге ползёт большой мужичище. «Помираю!» — кричит. Сам костлявый, в чёрной щетине, бушлат да солдатская шапка на нём, а глаза как бы вовсе потускли.

Сбросил я свои дровца. Вместо них — мужичищу. Хоть худой, а тяжёлый. Кое-как довёз его до деревни. Затащили с матерью в дом. На такой точно койке, — отец прикоснулся к кровати, — лежал он лёжкой две недели. И самим-то есть нечего. А первую пищу — ему. Одним словом, поправили бедолагу. День настал: можно ему уже и вставать. Он и встал. Встал затем, чтоб от нас потихоньку убраться. Не с пустыми руками ушёл. Взял, что было: двойную выпечку хлеба, ведёрко картохи, мамину шаль и отцовский шубняк. Спасали-то, кажется, человека. А спасли, выходит, поганца.

— Папа! — Люба была взволнована, глаза её сердито

сверкали. — Кабы ты заранее знал, что он такой-рассяжкой, ведь не стал бы его вывозить из лесу в деревню?

— Стал бы, — ответил отец убеждённо.

Подивилась Люба:

— А для чего?

— Этого, дочка, я толком не знаю. Однако в лесу бы его не оставил. Кабы оставил, принял бы на душу грех. И жизни бы после этого мне не стало. Каков бы ни был человек, а уж если спасти себя сам не сможет, то надо кому-то его выручать.

Задумалась Люба, так что не сразу заметила, как вошла фельдшерица тётя Евстоля, моложавая женщина в толстых очках и с родинкой около носа.

Она заглянула в Любин распахнутый рот, пощупала пульс, потрогала лоб и осталась довольна.

— Всё! — сказала перед уходом. — Страшное миновало! Теперь уж выможешь без врачей.

Этот день стал для Любы как маленький праздник. Не надо больше глотать таблеток. Не надо дышать над горячей картошкой. Не надо пить, обжигаясь, малиновый чай.

Хотелось как никогда глядеть в подмороженное окно. Погода за день менялась не раз. С утра собиралась метель. К стеклу прилипали снежинки. Казалось, стекло и снежинки издавна знали друг друга и долго шептались между собой, покуда Люба, слушая шёпот их, не заснула.

Проснувшись, увидела Люба в окне зелёную с белыми щёчками птицу. Синица! Пернатая гостя тюкнула носиком по стеклу, и Любе послышалось, будто она ей сказала: «Хватит болеть! Поправляйся! Скорее на улицу выходи!»

Облака отнесло, и небо заполнилось синим светом, в котором радостно серебрились обвисшие инеем провода. Захотелось на солнышко! На мороз! Люба лежала под одеялом и грустно вздыхала, завидуя небу и проводам.

Слух у Любы был обострённый. Чудились ей всё время шаги, будто кто-то идёт. Торопливо идёт, но почему-то никак до неё не дойдёт. Однако так было лишь до обеда. После обеда шаги дошли до двери. Дверь открылась, и к Любе вошли одноподруженцы. Первым из них был учитель.

Люба смотрела на Павла Павловича, на его сухощёкое, с голубыми глазами лицо, неширокие плечи под зимним пальто и перчатки, торчащие из-под мышки, никак не веря, что именно к ней он пришёл. Принёс учитель в подарок

красивую книгу, на переплёте которой Люба прочитала: «Юлькина пашня».

— Загадал, — Павел Павлович улыбнулся, — как только ты её прочитаешь, так и станешь здоровой и вскорости в школу придёшь.

Обхватила Люба «Юлькину пашню».

Павел Павлович, открывая дверь, едва не столкнулся с Раиской. Глаза у Раиски настороже. Наверно, считает, что Люба сердится на неё за то, что тогда отстала она от подруги и не пошла с ней искать на угорах Аркашу. Но Люба, соскучась по школе и по ребятам, спросила её совсем о другом:

— Как дела?

Люба имела в виду происшествия в школе. Раиска кивнула, давая понять, что она догадалась и всё сейчас выложит по порядку.

— Много всего! Колька Тулин двуху схватил по диктанту. Катька-тютя вместо конфеты съела стирательную резинку...

Раиска трещала часто и бойко. Люба её перебила:

— Аркаша-то как у тебя? Не болеет?

— Даже насморка никакого! Он ведь пришёл-то сейчас со мной. Не хотела брать, да, как хвост, увязался. Вот он! — Раиска открыла дверь, и в горницу, точно мохнатый клубок, вкатился укутанный в шубу румяный Аркаша.

Люба стрельнула глазами.

— Живой, потеряшка?

Аркаша, довольный, приблизился к Любе. На крепком личике — радостная улыбка.

— Живой!

— А на лыжах ещё поедешь кататься?

— С тобой поеду, с Раиской — не!

Всё-таки слабость из Любы ещё не ушла и время от времени понуждала её закрывать утомившиеся глаза. Она не заметила, как заснула. Когда пробудилась, то увидела вместо Раиски с Аркашей Валерика Цыкина. Тот сидел у кровати и ждал.

— Ты чего? — Люба взглянула на востренький нос Валерика и на его красноватые пальцы, державшие наготове блокнот с авторучкой.

— Я хочу о тебе написать в «Пионерскую правду», — сказал Валерик.

Люба вспомнила, что отец у Валерика пишет заметки в местную райгазету, где их печатают постоянно.

— А ты умеешь? — спросила она, сомневаясь.

— Разá помещали, — ответил Цыкин. — Но это было неинтересно. Так, о делах октябрят, как они собирают макулатуру. А сейчас об этом, о подвиге о твоём, как ты Аркашку спасала. Так распишу, что все сразу ахнут! Давай рассказывай! Ну!

— Это зачем? — Голос у Любы чуть построжал. — Ты, Цыка, чего-то не то. По русскому трёшманки получаешь, а хочешь писать в «Пионерскую правду»? Не стыдно?

— Сегодня четыре с минусом получил, — улыбнулся Валерик.

— Всё равно не надо писать обо мне!

— Да ты не волнуйся! — Валерик настаивал на своём. — Я эту статейку потом Пал Палычу покажу. Пусть он исправит мои ошибки.

— Мелешь, мелево!

Цыкин смутился.

— Но я... Я хочу... Хочу, чтобы, это...

— Цыка! Ты знаешь! Ты лучше уйди! И боле с этим не приходи! Тоже писатель нашёлся! Да я подвига и не делаю никакого!

— Всё равно напишу! — сказал упрямо Валерик и вышел за дверь.

Отец был свидетелем разговора. Он не вмешивался. Пусть дочка сама разберётся, как ей поступить: то ли позволить о ней написать в «Пионерскую правду», то ли из скромности отказаться.

— О добрых-то людях больше не знают, чем знают, — сказал он Любе, чтоб хоть немного её успокоить. — О делах своих они не кричат, потому как ими живут и о славе сроду не помышляют...

Вскоре отец принёс Любе горячий обед. Отобедав, она взялась за «Юлькину пашню», чтобы сегодня её прочитать и завтра подняться уже здоровой. Однако сон захватил, и книга скользнула на одеяло.

Во сне она видела бабушку Кланю. Видела точно такой, какой её знала при жизни. Три годика было Любе, однако помнит она, как по вечерней поре к кровати её подходила бабушка Кланя. И Люба, встречая её, вся светилась от счастья, заранее знала, что бабушка скажет: «Зажмурься!» Люба старательно жмурилась и, когда открывала глаза, бабушки не было. Зато на подушке сияло яблоко. И Люба, увидев его, тихонько смеялась. Но однажды бабушка не

пришла. Любе стало грустно-прегрустно. «Завтра придёт!» — подумала девочка и заснула.

Но настал ожидаемый завтрашний вечер — снова бабушки нет.

Рассердилась: «Ну где же она?» И Люба спросила у мамы:

— Почему баба Кланя ко мне не идёт?

— Потому, что она от нас уехала навсегда, — ответила мама, — уехала в те места, где живут только прежние люди.

— Которых сегодня нет? — догадалась Люба.

— Те самые, — кивнула ей мама.

Проснувшись, Люба рассталась с этим навязчивым сном.

Однако в двух шагах от неё, рядом с папой, в плюшевом чёрном жакете стояла какая-то толстая бабка. Она протягивала Любе руку. А на ладони — яблоко, словно то самое прикатилось из сна. Девочка удивлённо мигнула.

— Это тебе, изюма, — сказала бабка, и Люба признала в ней бабушку Гелю. — Мои-ти внучонки, Раиска с Аркашей, так уж тобой раздовольны! Спасибо тебе! Ну-ко беду какую от нашего дома отвортила! Как бы мы без Аркашеньки стали? Ты, ягодка боровая, парня нам спасла да сама пострадала! Кой уж день сюда прихожу и только сегодня вижу тебя в пригожем-то виде. Поклон тебе, милая, от меня! — И опустила вдруг на колени.

Папа бросился пособить ей подняться и потихоньку увёл её.

Когда бабушка Геля ушла, Люба взглянула в окно. Окно было залито красным светом. Люба приподнялась. Хотелось глядеть и глядеть на малиновый снег. Но цвет на снегу постепенно менялся. Был малиновый, стал — багровый, и вот уже — искрасна-синий и даже чуть-чуть голубой. Вдали за снегами полей светило неяркое солнце. Оно тускло, полого проваливаясь за землю. Казалось, оно бежало весь день за землёй, да умаялось и отстало.

И снова Люба раскрыла «Юлькину пашню». Долго-долго она читала.

А после увидела яблоко на подушке. Взяла его на ладонь. Полюбовалась, как солнышком на закате, и откусила кусочек. Пахнуло мёдом, росой и берёзовой рощей. Девочка улыбнулась, почувствовав счастье, какое всегда навещает больных, когда возвращается к ним здоровье.

ОПЛОШНОСТЬ

Наташа Завязкина — самая шумная девочка в классе. Где Завязкина — там беспорядок. Павел Павлович даже возле доски мог, не оглядываясь на класс, без ошибки определить, что шумок идёт от вертлявой Наташи.

«Завязкина, не вертись!»

«Завязкина, рот закрой!»

«Завязкина, повтори то, что я сейчас говорил!»

Сколько было таких замечаний! Павел Павлович сбился со счёту.

Сегодня Наташа крепилась. Сидела тише воды. Зато шепталась Раиска. За время болезни Любы у неё накопилось множество новостей. Сообщила о новом платье, какое купили ей в магазине. Рассказала и о Наташе, как её Павел Павлович отругал за то, что она запустила во время урока бумажную птичку. Не забыла и о Попове. Павел Павлович для его родителей передал с ним записку. А Мишка засунул записку в кусок пирога и угостил им уличную собаку. Люба просила Раиску:

— После расскажешь.

Наташа несколько раз оборачивалась на шёпот, делала злые глаза, чтобы Раиска в конце концов замолчала. Однако шептунья не унималась. Учитель не мог не слышать Раиску. Наверное, слышал. А вот ни разу её почему-то не оборвал.

Зато Наташа, как только раскрыла рот, так и попалась. Попалась в тот самый момент, когда повернулась к шептавшей и строго предупредила:

— Ши, Рая! Мешаешь!

Этого было достаточно, чтобы учитель сказал:

— Завязкина, прекрати!

— Это не я! — возмутилась Наташа.

Павел Павлович жёстко заметил:

— Некому, кроме тебя!

— Как это некому?

Павел Павлович посмотрел пронизательно на Наташу.

— Кого в таком случае назовёшь?

Наташа вспылила:

— Я не доносица!

Павел Павлович встал. Невелик был учитель, однако, когда он решительно пошёл к Наташиной парте, всем показалось, что он занял собою весь класс.

— Ладно, Завязкина. Не будем устраивать здесь дебаты. Терпенью моему конец. Каждый день об одном и том же!

Павел Павлович взял у Наташи дневник и написал замечание:

«Родители! Ваша дочь систематически разговаривает на уроках. Вступает с учителем в пререкания. Примите конкретные меры».

Наташа сердито закрыла дневник. «Не видит, а говорит. Слепошарый!» — шепнула вдогонку учителю.

Раиска с Любой переглянулись.

— Этого так оставить нельзя, — заявила Раиска.

Люба спросила:

— Что-нибудь предлагаешь?

Раиска кивнула:

— Надо сходить к нему после уроков и рассказать.

— Ты сходишь сама?

— Сама, — согласилась Раиска.

И вот подружки возле учительской. Раиска храбро открыла дверь.

Павел Павлович удивился. Эту с большими глазами малышку считал он смирной и боязливой. И вдруг явилась к нему. Зачем?

— Пал Палыч, — сказала Раиска, — вас Наташа Завязкина обругала.

— Ты из-за этого и пришла?

— Так обругала-то «слепошарым»!

Павел Павлович подошёл к Раиске.

— Давай-ка, Рая, договоримся. Этого я от тебя не слышал. Ты поняла меня?

Рая не поняла. Она готова была услышать от учителя похвалу.

— Честное пионерское! Так и сказала! Не верите мне — спросите у Любы.

— Для чего ты об этом?

— Чтобы вы её наказали!

Павел Павлович помрачнел. Плохо, когда у юного человека открывается склонность кого-нибудь потихоньку предать. По сравнению с этим двойка за урок — полбеды!

Павел Павлович выдвинул ящик стола и тут же снова его задвинул.

— Если бы ты сказала при всех, я бы, может, и наказал. Но ты говоришь об этом тайком. Ты ведь не хочешь, чтоб о твоём приходе сюда узнали ребята?

— Нет! Нет! — испугалась Раиска.

— Теперь-то ты понимаешь, что так поступают лишь... — Учитель сознательно сделал паузу, дав возможность Раиске договорить.

— Нехорошие девочки, — заморгала Раиска.

— Ябеды! — резко поправил учитель... — Или не так?

— Так, — покраснела Раиска.

— Вот почему я тебе говорю: ты мне ничего о Наташе не сообщала. Согласна со мной?

— Согласна. — Раиска вышла с опущенной головой и наворачившимися слезами.

Ожидавшая в коридоре Люба схватила её за плечи, затормошила:

— Чего это ты? Что с тобой? Неужто ругал?

— Не ругал, а стыдил.

— За что?

— За то, что я про Наташу сказала, как она обругала его «слепощарым».

Люба попятилась от Раиски:

— Ябедничать ходила?

— Я не хотела, да как-то само получилось, — призналась Раиска.

— А я-то думала! Думала, что пошла ты к нему рассказывать правду. Что шепталась-то не Наташа, а ты!

Потускнела Раиска:

— Я об этом не говорила.

— Как же так?

— Не знаю.

— Эх ты! — сказала Люба в сердцах и, отодвинув Раиску от двери, вошла в учительскую сама.

Павел Павлович поглядел на Любу с недоумением.

— Случилось чего?

— Да, случилось. Вы, Пал Палыч, написали Наташе в дневник замечание, а она и не виновата!

— Как же это не виновата, если шепталась почти весь урок. Не хотел её обрывать. Думал, сама догадается...

— Вы ошиблись! — сказала Люба. — Не она! Не Наташа шептала! Наташа сидела молча, пока вы ей не сказали: «Завязкина, прекрати!»

— Выходит, я обознался? Шепталась другая? А кто?

— Этого я сказать не могу.

— Не знаешь?

— Нет, знаю! Но не скажу. Если скажу, то ябедой буду.

Учитель ослабил галстук. Взглянул на Любу внимательно и серьёзно.

— Значит, я обманулся. А что теперь делать? — спросил. — Может быть, ты подскажешь, как мне исправить мою оплошность?

— Подскажу, — согласилась Люба. — Только не сразу. Сначала подумаю. Чтобы не ошибиться.

— Спасибо тебе, — сказал Павел Павлович на прощание. — Мне тоже будет над чем подумать...

ЧУЖАЯ ОТМЕТКА

Почти все третьеклассники за контрольную по математике получили четвёрки. Единственная пятёрка была у Валерика Цыкина, вечного троечника, который выше четвёрки с минусом ни по какому предмету не поднимался. Класс дружно ахнул и тут же затих, потому что учитель сказал:

— Не знаю, что делать с Чезловой. В тетради её не оказалось контрольной. Ведь ты же, Люба, её решала?

— Решала, — ответила Люба.

Покрасневшая, как после чая с малиной, она сидела над выданною тетрадкой. Две задачки, четыре примера. Где же они? И тут заметила Люба в тетради следы от торопливо вырванного листа.

Люба вспомнила, что вчера она раньше всех выполнила работу и, положив тетрадку на угол парты, ждала, когда это сделают и другие. Слышались тихие вздохи и учительские шаги. И вдруг умоляющий шёпот. Раздавался шёпот с трёх разных мест — спереди, справа и слева, где сидели Валерик Цыкин, Колька Тулин и Мишка Попов. Просили списать у Любы задачку. Но она им показала язык: «Сами решайте!» Минут за пять до конца урока обнаружила Люба пропажу тетрадки. Заволновалась. Подозрительно посмотрела на Мишку. Потом — на Валерика, после — на Кольку. Но ребята сидели тихо. Люба уже собиралась исследовать все соседние парты. И тут оказалось: тетрадка на месте, как будто никуда и не исчезала. «Странно», — подумала Люба.

Как только раздался звонок, Люба ткнула пальцем в тетрадку и сообщила Раиске:

— У меня контрольную кто-то вырвал.

Раиска сочувственно улыбнулась:

— Я знаю.

— Знаешь, кто вырвал?

— Ага.

— Ты видела, что ли?

— Конечно!

— И мне не сказала?!

— Я бы тебе сказала, да ябедой быть не хочу.

Любу смутили слова Раиски. Ведь здесь совершенно иное, не то, что тогда получилось с Наташей. Здесь — мелкая гадость, и не сказать об этом — значит её поддержать. Взглянув на Раиску, Люба с вызовом в голосе объявила:

— На молоке обожглась, теперь на холодную воду дуешь!

— Зато я не ябеда! — отпарировала Раиска.

— Овца ты трусливая! — Люба вскочила, намереваясь выбежать в коридор. Да Раиска вытаращила глаза и протянула к ней руки.

— Что ты, Люба! Скажу я! Скажу! Только ты никому об этом не говори, а то мне попадёт. Вон... — С языка Раиски готово было сорваться имя ученика. Однако Люба оставила:

— Не говори! Не хочу! Я и сама узнаю! — И, выбрав взглядом Мишку Попова, сновавшего между партами, подошла к нему и спросила: — Попович! Случайно ты не нашёл то, что я потеряла?

— Ищу! — улыбнулся Попов от уха до уха.

И Люба по этой широкой улыбке, по голосу и по тому, как Мишка снова метнулся весёлым волчком между партами, почувствовала: «Не он». И направилась в угол класса, где трое пыхтевших учеников пытались свалить Кольку Тулина в рукопашной.

— Туля! — крикнула Люба ему. — Это ты вырвал?

Колька взмахнул руками, освобождаясь от шалунов, и посмотрел на Любу ошеломлённо:

— Ворова-ал?!

И опять стало девочке ясно: «Не этот!»

Она выбралась в коридор. Там, сидя на большом подоконнике, отвернувшись к окну, хрустел морковкой Валерик Цыкин.

— Цыка! — Люба сделала шаг. — Ты получил сегодня чужую пятёрку!

Цыкин чуть было не подавился.

— Сказать, почему? — добавила Люба.

Валерик слез с подоконника.

— Больно надо.

— Ясней ясного! — известила Люба.

Валерик слегка побледнел.

— Это не я!

— Что — не ты?

— Не я у тебя вырывал! — крикнул Валерик, не замечая того, что сам себя этим и выдал.

— Тогда почему ты так испугался?

Валерик сник, понимая, что он попался. Исполдбья взглянул на Любу.

— Теперь ты чего? Всё учителю обрисуешь?

— Обрисовывать будешь ты!

Цыкин даже вспотел от нахлынувшего стыда.

— Почему это я?

— Если я расскажу про тебя, то тебя не простит класс.

Этого было достаточно, чтобы Цыкин в начале второго урока вскинул руку, поднялся и тихо заговорил:

— За контрольную я получил чужую отметку. Пятёрку надо не мне, а ей. — Он покосился на Любу. — А я, видать, заслужил единицу.

Павел Павлович недоуменно пожал плечами.

— Самокритика — это похвально! Однако что, скажи мне, произошло?

Валерик вновь покосился на Любу.

— Я вырвал контрольную у неё из тетради. Чтобы спить.

Павел Павлович думал. С одной стороны, он был возмущён поступком мальчишки, с другой — как бы рад за него, что у парня хватило отваги признаться.

— Единицу, понятно, ты заслужил! — Учитель поправил галстук. — Однако дело не в единице, а в том, насколько ты глубоко прочувствовал низость собственного проступка!

— Я больше так делать не буду, — сказал Валерик. Сказал наивно, как пятилетний ребёнок, отчего покраснел и, боясь, что ему не дадут досказать, суетливо добавил: — В последний раз! Всё! Честное слово! Такое не повторится!

Учитель провёл рукой по лицу, как бы снимая с него напряжение и усталость.

— Как, ребята, — спросил, — может быть, поверим ему и простим?



Кто-то крикнул:

— Нет! Не простим!

Кто-то громко поправил:

— Простим, да не сразу!

Разгорелся сыр-бор. Наконец все пришли к одному:

— Простим, если будет вести себя человеком!

Валерик мучительно улыбнулся.

ЗНАТОК

Аркаша — мальчик привязчивый и упрямый. Поводился к школе ходить каждый день. Встанет в раскрытой калитке и ждёт, когда прозвенит с уроков звонок. Причём дожидается он не Раиску, а Любу. Потому что сестра не любит, когда Аркаша расспрашивает её, и обрывает на полуслове. А Люба готова с ним разговаривать обо всём.

Любе неловко перед подругой. Но что станешь делать, если Аркаша выбрал её, всякий раз провожает до самого дома. Семенит рядом с Любой мелким шажком, подымает такие же, как у сестры, большие глаза и без конца задаёт вопросы. Сегодня Аркаша спросил:

— Кабы я был школьником, а ты учительницей, какие бы ты у меня спрашивала вопросы?

Любе занятно. В самом деле, почему бы не стать ей учительницей на время.

— В школу ладишь играть?

— В школу! — сияет Аркаша.

— Тогда скажи мне о нашей школе. Какая она?

— Школа у нас двухэтажная. С тёплыми печками. На крыше четыре трубы.

— А где стоит наша школа?

— С краю деревни, около поля. А там, за полем, большие леса.

— Расскажи о лесах?

— У нас в лесах снегу полно. Это зимой. А летом — грибов и ягод. Там ещё много ёлок, коряг и деревьев. А за деревьями — звери с зубами...

— Скажи, — перебила Люба, — запасает медведь себе на зиму пищу или не запасает?

— Мёд запасает! — воскликнул Аркаша. — Мёдом он смазывает переднюю лапу и сосёт её до самой весны.

Постаралась Люба не улыбнуться и вновь задала парнишке вопрос:

— Кто такой Илья Муромец, знаешь?

— Спрашивай потруднее! — потребовал малый.

— Ну а Муромец, — начала было Люба, но Аркаша не дал продолжить.

— Муромец — это который на лошади. У него ещё богатырские руки и бородатая голова!

Ответив, Аркаша пренебрежительно улыбнулся:

— Кто про это не знает? Одни малолетки! Давай теперь трудный вопрос!

Люба тут же решила задать мудрёный вопрос, на который она и сама не ведала, как ответить.

— Каким, как ты думаешь, был первобытный человек?

— Голым! — ответил Аркаша.

Люба смутилась:

— Как это — голым?

Аркаша немедленно объяснил:

— В ту пору не было магазинов. Одежи не продавали. Вот и ходил он голым и волосатым.

— А чем он питался?

— Мясом. Но не варёным. Потому что спичек тогда не умели делать. Как зверя какого поймают, так живьём и едят! Спрашивай дальше!

Но Люба уже около дома. Вот и калитка.

— Завтра спрошу, — обещает Аркаше.

Вечером Люба чуть ли не с гордостью сообщила пришедшим с работы папе и маме:

— Сегодня я мальчику одному задавала учительские вопросы...

В этот же вечер говорил своим родителям и Аркаша:

— Сегодня одна тут учительница спрашивала меня. Было трудно, а я всё равно ответил на все вопросы...

ГОСТИНЕЦ ОТ ЕЛИЗАРА

23 февраля. В этот день третий класс решил провести пионерский рейд под девизом: «Никто не забыт». Пионерский отряд разбился на пары, чтоб на воротах каждого дома, где жили фронтовики, прикрепить самодельные звёзды. Пятьдесят две звезды. Столько, сколько в Селище домов,

отдавших войне хозяина или сына. Возвратилось с войны только восемь фронтовиков. А до наших дней дожил один Севастьян Парамонович Кокин.

Люба с Наташей как раз и начали с дома дедушки Севастьяна. Одна залезла кверху ворот, вторая держала лестенку снизу. На стук молотка вышел из дома хозяин.

— Это чего вы такое? — спросил, поглядев на матерчатую звезду.

Девочки объяснили.

Севастьян Парамонович снял солдатскую старую шапку и вытер ею лицо.

— Спасибо, девчочечки. Вспомнили нашего брата, фронтовика. Славное дело.

— Дедушка Севастьян, а сколько вам лет?

— До семи десятков двух лет не хватает, — ответил старик. — Да-а. Всех погодков своих в молодости оставил. — И показал на стоявший за палисадником пятистенок. — Вы теперь, поди, к Елизару пойдёте?

— К Елизару Васильевичу Кремлёву, — ответили девочки дружно.

Севастьян Парамонович нахлобучил солдатскую шапку.

— Это был мой первейший дружок. Вместе с ним воевать уходили. Он там и остался. А я, как видите, тут, на родной стороне. Трижды уже его пережил. Вон Елизарова мать. — Севастьян кивнул на крыльцо соседнего дома.

— Знаем её, — сказали подружки. Взглянув туда, куда показывал Севастьян, разглядели на лавочке маленькую старушку.

Помолчав, Севастьян Парамонович грустно добавил:

— Ей скоро сто лет, а всё его ждёт. Не верит, что не вернётся.

Кокин поднял голову и басовито окликнул:

— Ивановна-а?

Но Ивановне трудно услышать. Душою теперь всегда она в прошлом. Единственный сын её ушёл воевать в сорок первом году. А вернулась домой треугольная похоронка. Из всех слов запомнилось в ней только три: «пал смертью храбрых». Похоронка пришла в феврале. Какого точно числа, мать уже забыла. Решила это событие поминать 23 февраля.

Сидит на лавочке сухонькая старушка. Глядит на февральскую, в снежных намётах дорогу и терпеливо верит, что однажды увидит его — молодого, высокого, сильного,

тут же встанет ему навстречу, посветлеет глазами и скажет самое нежное слово: «Сыночек!»

— Бабушка Густя! — доносится до неё.

У ворот её дома стоят две девчущки. Ивановна ищет руками опору и осторожно сходит с крыльца.

На столбе коренастых её ворот пламенеет звезда. Девочки смотрят на старую, улыбаясь.

— Бабушка Густя, мы пришли к тебе помогать! Станем делать какую-нибудь работу.

— Спасибо, цветики. Ничего не надо. Сосед Севастьянушко, дай бог здоровья ему, уже всё у меня переделал.

— Ну тогда, бабушка Густя, с праздником! С Днём Советской Армии поздравляем! — Девочки направились было к дороге. Но старушка остановила:

— Постойте! Сейчас принесу по гостинцу от сына! Я живо! — И поспешила в дом.

Люба с Наташей переглянулись. От какого сына, если в живых его нет?

— Странно. Может, стала она забываться? — предположила Наташа.

— Не знаю, — ответила Люба.

Возвратилась Ивановна быстро, неся печённые из домашнего теста грибы.

— Вот вам на память, от Елизара!

— Это как? — изумились подружки.

— Сынок-то мой, — объяснила Ивановна, — широко ходил по лесу за грибами. Любил это дело. Вот я грибочки ему в этот день и пеку. Примите, голубушки, от него. Вы ему — звёздочку. Он вам — грибочки.

Девочки робели. Показалось им, что где-то за бабушкой Густей стоял её Елизар. Стоял совершенно невидимый, но грибы протягивал им настоящие, только что сорванные под ёлкой.

— Кушайте, цветики, на здоровье! — добавила бабушка Густя.

ДОМАШНЯЯ ТРЕНИРОВКА

Люба на несколько лет вперёд загадала, что будет дояркой, и ей не терпелось пойти на ферму, чтоб там научиться доить коров. «Сперва, — решила, — дома потренируюсь.

Зорька — корова послушная. Всяко с ней совладаю». Вообще-то Люба знала, как надо доить. Видела много раз, как это делает мама. Теперь бы самой! Своими руками!

И вот однажды, заполучив на помощь Раиску с Аркашей, она направилась с ними к корове. Был ранний вечер. Темень вылезла из углов, заполнив коровье жильё. Люба нажала на выключатель.

Зорька вздохнула, почувствовав что-то опасное. Перестала жевать. Не повернув головы, увидела краем глаза, что к ней приближаются трое. Любу она собиралась встретить мирным мычаньем. Но рядом с девочкой были Раиска с Аркашей, два совершенно чужих для неё существа. К тому же их суетливые жесты, выкрики и пыхтенье были для Зорьки невыносимы.

Корова не шелохнулась, добродушно терпела, пока под ней копошилась Люба, вода влажной тряпкой по вымени и соскам. Но стоило к ней подойти Раиске с Аркашей, как вся она бдительно напряглась.

Прикосновение маленьких рук её, однако, не сразу вывело из себя. Минуту она молчаливо стояла, словно бы думая про себя: чего они с нею затеяли сделать? Аркаша тем временем взял Зорькин хвост, Раиска — рога, а Люба проехала пальцами по соскам. Корова чуть мыкнула, предупреждая, что насильным путём молоко от неё не возьмёшь.

Раиска спросила:

— Доится?

— Не-ек, — ответила Люба.

— Может, дать ей шлепка? — догадался Аркаша.

От шлепка корова взмахнула хвостом, брыкнула и сердито мотнула рогами. Работники, кто где стоял, там и упали.

Раиска с Аркашей, ругая корову, заторопились домой. А Люба, поглядев на Зорьку, сказала:

— Эх ты! — и вскоре тоже ушла домой.

Возвратился с работы папа. Поужинав, взял у дочки дневник, посмотрел его и размашисто расписался.

Люба хотела включить телевизор, да в это время послышалось рыканье Зорьки. Корова мычала рывками, призывно и резко, напоминая о том, что пора бы её подоить. Отец потянулся было к фуфайке.

— Пойду до соседки, — сказал, — пусть подоит.

Но Люба не отпустила.



— Я-то на что? — Она соскочила со стула и сдёрнула с вешалки ватник.

Отец лишь руками развёл.

— Неужто умеешь?

Люба взяла подойник, ведёрко с водой и горбушку чёрствого хлеба. Спустилась по лестнице под сарай.

Учув шаг, корова затихла. Конечно, она поняла, что к ней идёт не хозяйка, поэтому нервно дёрнула головой. Но тут услышала ласковый голос, увидела Любины руки, а в них — ржаную горбушку. Зорька коснулась губой добрых ласковых пальцев и приняла принесённый хлеб.

Вымя у Зорьки разбухло. Люба не сразу успела подставить подойник, первые струйки хлёстко стегнули уनावоженный пол.

Не умела Люба доить, но вдруг ощутила, что дойка идёт у неё хорошо. Слишком охотно ей помогала корова, легко отдавая своё молоко. И ещё ощутила Люба, что Зорька как бы ушла в дремоту, наверное, видела в эту минуту зелёное лето.

От непривычки Люба устала. Пальчики мелко дрожали. Зато была очень рада. Впервые в жизни несла домой полный подойник парного коровьего молока.

Отец встретил Любу, взяв у неё тяжёлый подойник.

— Прямо доярочка! Ну и ну! Не увидел бы — не поверил!

С СУББОТЫ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ

Из-за отёла коров мама почти каждый день задерживалась на ферме. Потом заболела одна из доярок и, не найдя ей замены, мама сама принялась за дойку коров. Две недели не видела Люба мамы. Та возвращалась домой, когда её дочка спала. И уходила на ферму рано-прерано. Сколько раз собиралась Люба пойти вместе с мамой! Но сон по утрам был особенно крепок.

Люба успела увидеться с мамой лишь в поздний субботний вечер. Та прибежала домой, поделала кое-что по хозяйству — и снова на ферму.

— Я тоже с тобой! — заявила Люба.

Мама растерянно улыбнулась.

— Но я, быть может, там ночевать останусь?

— И я ночевать! — Облачившись в поношенный ватник, Люба выскочила за мамой, ступая за нею след в след.

Изморщенная дорога блестела залысками гладкого льда. Люба по ним скользила, как на коньках. Было помартовски холодно и свежо. Пахло сосульками и соломой. Вечер сгущался, и за деревней должна бы лежать полевая угрюмая мгла. Но снег, белея, рассеивал свой притушенно мерцающий свет, и от него становилось спокойнее и светлее.

Ферма Любу не удивила. Бывала она здесь с классом. Бывала и с мамой. От перестука копыт и фырканья аппаратов Любе казалось, что всюду здесь толкотня и дояркам ужасно тесно. Но скоро она убедилась, что это не так.

В коровнике было просторно. Доярок почти не видать: затерялись среди коров, и Люба готова была поверить, что совершается дойка сама собой.

Сегодня, ступив за мамой в доильный зал, Люба услышала голоса. Сначала окликнула их молодая Маруся:

— Кто пришёл-то к нам!

Потом Раискина мать:

— Валентина! Не доярку ли новую привела?

Улыбнулась мама.

— Только что не доярку!

— Правильно ты, Валентина! Обучим её в одноразку! Давай-ко, Любашка, сюда! Бери аппарат!

Не заметила Люба, как мама куда-то ушла и она осталась возле доярок. То к одной подойдёт, то к другой, улыбнётся застенчиво и попросит:

— Я тоже маленько умею. Можно и мне?

Кто из доярок откажет? Нету таких. И вот уже девочка под коровой. Руки её обминают тёплое вымя. Обмяли, огладили, вдели стаканчики на соски.

— Ну-ко, бурёночка! — Подключив аппарат, Люба подходит к корове и гладит её тяжёлую голову лёгонькими руками. Сама же ловит глазами доярку: чего бы ещё тут у вас мне поделать?

Интересно Любе проверить себя, что она не умеет и что умеет. Доярки девочку понимают: сами прошли через это. Пускай поучится и она.

Люба рада стараться. Хоть сено к кормушкам таскать, хоть шланг подбирать. Но всё же она под конец прямо-

рилась. Полненькая Маруся взяла Любу за руку и проводила до аппаратной.

— Дядя Алёша, — сказала, передавая девочку сторожу фермы, — дай работнице отдохнуть!

Маленький дядя Алёша расплылся в детской улыбке, встал с лежака, где обычно он отдыхал, когда в коровнике было спокойно, и уступил его Любе.

Люба лежала на толстой кошме, постеленной на скамейке. Глядела на дядю Алёшу и думала про себя, что сторож фермы, наверное, многое знает. Потому и спросила о том, что давно её занимало:

— Кто из домашних животных давнее всех живёт на земле?

— Корова.

— Она всегда была с молоком?

— Всегда.

— И всё время доил её человек?

— Сначала — дракон.

Люба чуть было не рассмеялась. Она понимала, что дядя Алёша если не шутит, то говорит ей забавную небыль. Одно её в дяде Алёше смущало — это его лицо, серьёзное, без улыбки.

— Дракон — это змей, который летает? — спросила она.

— Да, это змей.

— Но их уже нет. Они все вымерли. И мы о них ничего не узнаем.

— Я бы этого не сказал.

— Это как? — заморгала Люба.

— Было такое давнее время, когда человек и дракон жили вместе. Дракон по разуму был сильнее, чем человек. Умел угадывать то, что у нас на уме. Все человечьи замыслы знал и относился к нашему брату, как старый мудрец к ребятёнку. Прощал ему всё, ни боже мой, чтоб однажды его где обидеть!

— Но это было когда?

— Это было до ледников. Потом ледники налезли на землю. Драконы замёрзли. Остались лишь те, коих спас океан.

— Океан?

— Да. Они и теперь там живут. Только их мало. Днём они прячутся в водах, а ночью летают. Как прежде, так и теперь они прилетают к коровам. Сосут у них молоко.

— Их кто-нибудь видел?

— Нет. Их увидеть нельзя. И человек никогда не узнает, что рядом с ним находился летающий змей.

— А он человека не тронет?

— Он любит его, как махонького ребёнка.

— Дядя Алёша, ты сказку, поди-ко, мне говоришь?

— Для кого это — сказка, а для меня настоящая явь. Дракона я, как все люди, не вижу, однако чувствую: он существует. Как будто кто-то меня вспоминает. А это он сам! Голодный дракон! Он мою бдительность усыпляет, чтоб попасть в моё стадо к одной из коров, успеть подоить её до доярки.

Люба заснула внезапно, словно ушла в интересную сказку.

В аппаратную кто-то вошёл, да тут же и вышел, задел за бидон, крышка которого громыхнула, и Люба проснулась.

«Где это я?» — встрепелась от сна, вспомнив сначала дракона, а после колхозную ферму.

Лампочка в усиках света, чёрный глянec окна, разделённого рамой на четвертушки, четыре бидона, скамейка и стол. Всё это Люба узнала мгновенно и, посмотрев на закрытую дверь, оробело подумала: «Где моя мама?»

Из аппаратной дверь выходила в сумрачный коридор. Ещё одна дверь пропустила Любу на волю.

Ночь. До чего же она молчалива и нелюдима! Придавила окрестность, будто большая баржа небольшую реку, и всё потерялось среди потёмок.

Люба прошла по скрипучему снегу. Ей вдруг померещилось, что земля со всеми её дорогами, тропами и полями устала. Днём по ней ездили и ходили. И вот — никого. Отдыхает земля от трудов, набирается сил, чтоб с рассветом вновь взять на себя трудовую поклажу, которую будет нести она целый день.

— Э-ге-е! — непонятно кого окликнула Люба. Расслышала гул. Он шёл из-за поля, где мрачно темнели лохматые ёлки. Гул придвигался от них. — Как живые! — шепнула Люба с восторгом и боязливо нырнула в дверь.

Маму она нашла в коровьей родильне. Здесь было несколько загоронок. В каждой — по стайке телят. В той, где была её мама, а с ней и дядя Алёша, на мягкой овсяной соломе лежала корова. Она отдыхала после отёла и утомлённым коричневым глазом следила за Любиной мамой.

Та помогала телёночку встать на копытца. И дядя Алёша ему помогал.

Люба зашла в загородку и тоже, пыхтя, подхватила новорождённого за животик. Когда телёночек встал на дрожащие ноги, она взяла его мордочку в обе ладони и улыбнулась.

— Мама, а эта телушечка будет какая?

— «Отменитая» будет, — ответила мама.

— Лучшая среди лучших! Значит, моя! — рассмеялась Люба. — Я буду за нею ходить! Буду её выводить на прогулку! А летом на травке пасти. А потом, когда мы с телушечкой подрастём, то стану доить у неё молоко. Ты, дядя Алёша, — взглянула Люба на сторожа фермы, — следи за ней пуще. Оберегай её от дракона!

— Какого дракона? — спросила мама.

— Такого, который живёт в океане и прилетает ночами к коровам сосать у них тёплое молоко.

— Это сказка, дочура. Её у нас знают все деревенские старики. Не так ли, Алексей Никанорович? — Мама взглянула на сторожа с мягким укором. Дядя Алёша сконфуженно улыбнулся.

Ночь была уже на исходе, когда Люба с мамой открыли дверь фермы.

Темнота сплывала с далёкого леса, прячась где-то в дремучей его глубине. Поднялся прилёгший в оврагах с вечера ветер, выбрался в поле и начал сдувать с сугробов морозную пыль.

До чего хорошо возвращаться домой! Вон впереди проступают избы деревни. Вон вся серебристо-тусклая от мороза мачтовая сосна. Вон дымок над трубой. Вон второй. Вон ещё. Казалось, сейчас прогудят пароходные трубы и на встречу, раздвинув снега, поплывёт, заиграв вымпелами, застоявшийся в зимнем затоне флот.

Тропка выводит к дороге. Скрип шагов. Силуэты людей. Это доярки! Впереди — быстроногая молодая Маруся. За нею — Раискина мать.

— В ночную работали? — спрашивают у мамы.

— В ночную!

— Сколечко их растелилось?

— Две коровёшки!

— Значит, колхозное стадо с прибавой?

— С прибавой!

Кажется Любе, что стала она уже взрослой, почти та-

кой же, как молодая Маруся, и доярки сейчас разговаривают не с мамой, а с ней.

Поговорили и разошлись. Скрип-поскрип по подстылому снегу.

Вот и калитка. За нею — тропка среди сутулых сугробов. Крыльцо. Спотыкается Люба на нижней ступеньке. Мама поддерживает её.

— Помощница-то моя! — говорит так нежно и благодарно, что Люба чувствует полное счастье. Кому-то сейчас, может, этого счастья так не хватает! А у неё в избытке. Отдать бы тому, кто нуждается в нём! Но как это сделать?

ПОД САМОЕ НЕБО

Расстиляет Люба по насту цветные половики. Потом их тщательно подметает.

Возле забора воюет с варёной картошиной проголодавшаяся ворона. Вид у неё настолько задорен, что Люба затеяла разговор.

— Как, ворона, живёшь?

Ворона молчит.

— Чья ты? Прилётная или наша?

Ворона голову набочок, глазеет на Любу чёрным глазком, словно думает, как ей лучше ответить, чтобы девочка к ней оставалась добра.

— Учужала, что ли, весну?

Ворона кивает: «кра, кра!» Что означает: «Да! Да!»

Весна ещё только подходит, однако её уже ждут. Ждут вороны, сороки и воробьи. Ждут, мерцая стёклами окон, сутулые пятистенки. Ждёт под жёлобом крыши налившаяся сосулька.

Люба глядит на сосульку, пока с неё не срывается капля, слабо тюкает толстый сугроб. Неожиданно для себя Люба садится на наст, снимает валенки и начинает бегать по огороду. То промчится по пёстрым полоскам половика, то по искристому снегу.

Из соседнего огорода, где ходит одетая в ватник Раиска, летит вопрошающий возглас:

— Неуж ногам-то не студёно?

Люба машет подруге потрёпанным голиком.



— Жарко! — И носится по огороду, чуя ногами сухой холодок, от которого хочется ей так неистово разбежаться, чтобы воздух подхватил её и понёс, как птицу, под самое синее небо.

ДРУЖЕСКАЯ РУКА

Сегодня хотя и каникулы, а ребята весёлой побегжкой торопятся к школе. Вместо портфелей — лопаты. Это учитель их попросил забраться на школьную крышу и сбросить оттуда тающий снег.

Залезли на крышу через чердак — и сразу за дело. Рубят лопатами снежную залежь. Рыхлые комья падают вниз, поднимая маленькие метели. Первый пот скользит чешуйками из-под шапок.

Но вскоре азарт иссякает. Ребята один за другим отставляют лопаты и отдыхают, верней, забавляются. Наташа Завязкина, сняв рукавицы, слепила комок и кидает в пролетевшую галку. Мишка Попов, утопив в снегу голову, пробует встать вверх ногами. Колька Тулин садится на снежный глыбак и, разогнавшись, срывается с гиканьем с крыши. Люба сидит у трубы. Отсюда далеко видать, любуйся сколько хочешь.

Вон на обтаявшей скамейке скачет синичка, стараясь задорным теньканьем выдать коленце, как певчая славка. Вон за склоном озимого поля синеют, как дым, молодые осинки. Вон зелёная вытайка трав, а на ней какая-то чёрная птица. Может быть, это грач. Прилетел и лежит, обессиленный, прижимаясь грудью к земле. Он на родине. Дома. Наверное, в эту минуту грач вспоминает свою дорогу, которую выдержал до конца.

Дует неслышимый ветер. Он упругий и свежий, в нём запах подснежной травы, которая вырастет через месяц. Исчезает усталость.

Снова срываются вниз тяжёлые снежные глыбы. Лопата в ладонях словно дружеская рука. Всё, что мысленно ей говоришь, то и делает в лучшем виде. Рубит спрессованный снег. Отдирает его от крыши. Расшатывает. Толкает. Очищается кровля. Где-то внизу, облегчённо скрипя, распрямляются ноги стропил.

Работа сплотила ребят. Продолжать бы её. Но снег уже

скидан. Осталось только по глыбаку. Глыбаки с шипением скользят под уклон. Всё быстрее и быстрее. Вот и край. Ребята плюхаются с разгону и, отчаянно хохоча, на какую-то долю секунды ощущают себя в полёте.

Расставаться друг с другом так неохота. Да надо. Всему своё время. На талой дороге печатаются следы, разбегаясь кверху и низу деревни.

Солнца по-прежнему много. Кажется, разливает оно не свет, а топленое масло. Снег горит миллионами искр. Сладко пахнет подснежной травой. Запах манит к себе корову, чьё мычанье, вырвавшись из хлева, раздаётся на всю деревню.

БЕЛЫЕ СЕНИ

Март уже на исходе. Однако морозно. Любин отец, процарапав пальцем густо заросший иней на ледяном окне, сказал:

— Теперь всё так и пойдёт: утром залазь в полушубок, днём раздевайся и загорай.

Люба выбралась на крыльцо. Мороз действительно так и кусает. Но Люба одета в стёганный ватник и шаровары.

Утро как следует не проснулось. По кромке небес скупко попыхивает багрянец. Но вот из ольхового леса рванул ветерок, прозвенели, ломаясь, сосульки, и в толчее сизых туч, словно их распахало чьё-то плечо, заголубело небо.

Люба сбежала с крыльца на дорогу. Оттуда по насту — к ближнему полю, за которым белели берёзы.

— Куда ты-ы?! — послышался голос то ли Раиски, то ли Наташи. Люба взмахнула вязаной рукавицей.

— Не знаю! — И дальше — по гулкому насту, среди задорожных кустов, через изгородь — в чистое поле.

Люба и в самом деле не знала: куда побежала она и зачем? Дорога была необъятно широкой — от горизонта до горизонта.

Лучи, серебрясь и играя, скользили по насту и предлагали девочке: догони-и! Люба бежала вслед за лучами. Бежала, резвясь, как может резвиться лишь жеребёнок около матери-кобылицы. То прыгнет, то взвизгнет, то упадёт! Шалунье казалось, что где-то возле неё находится мама. Она следит за нею откуда-то со сторонки, поощряет во всём и улыбается ей вдогонку.

Удивилась Люба, когда пробежала всё поле. Обернулась и видит, что избы Селища далёко-далёко. А здесь, в двадцати шагах от неё, — пронизанный светом берёзовый лес. Деревья как бы зовут. Протянули к девочке ветви, и каждое хочет уговорить, чтобы она подошла лишь к нему.

Приблизилась Люба к первой берёзе. На ней столько веток! Ветки покачивает от ветра. Им здесь раздольно и весело, как деревенским девочкам на качелях.

Перебежала Люба к другой берёзе. Потом — и к третьей. Около каждой ей надо остановиться. И вот уже Люба в полях весеннего леса. Пришла в те самые белые сени, куда её заманила весна.

Белые сени! Люба чувствует, что она и вчера, и неделю назад, и вообще всю-всю зиму ходила по белым сеним, потому что они повсюду, где свежий воздух, весёлые птицы, мороз, тишина, деревья и снег. Сени эти чисты. И ходить по ним можно лишь чистому человеку.

— А мне нисколечко и не страшно! — Любин голос ударился о берёзы и отозвался пересмешником: «Страшно!»

Шла Люба и шла по берёзовым белым прогалам, воображая себя хозяйкой, которой нужно успеть обойти все деревья. Шла, пока не наткнулась на старые ёлки. «Сколько деревьев, столько и тайн!» — явилось Любе на ум, и она, рассеянно улыбаясь, повернула от ёлок к берёзам назад.

— Где, снегурочка, побывала?

Изумилась Люба, увидев ступавшего по опушке сторожа дядю Алёшу. На плече у него верёвка. Вёз на санках ношу нарубленных веток.

— Там, — показала Люба на лес.

— Вот как ты! — похвалил её сторож. — Стало быть, побывала в гостях у природы! И далеко ли зашла?

— В белые сени!

— А чего там искала?

— Весну! — призналась Люба.

— И нашла её?

— Нек! Она от меня убежала на Север!

— А я, как ты видишь, тоже из лесу. Насёк берёзовых прутьев. Буду вязать голики.

Улыбнулась Люба:

— Кроме прутьев-то, дядя Алёша, чего-нибудь видел?

— Лесного приятеля с батожком! — с ходу придумал дядя Алёша. — Он там дозорит за заячьим стадом!

— Дядя Алёша, опять-то ты шутишь!

— Шутка сама из-за пазухи лезет! — доволен сторож.

С разговорами они подошли к огородам. Тут и расстались. Дядя Алёша, таща за собой санки с ношей берёзовых веток, направился к ферме, а Люба — домой.

Был уже полдень. С крыш и деревьев срывались крупные капли. Снег в огородах осел. На дорогах натаяли светлые лужи. Из-за деревни, где мастерские, послышался кашель и бас. Потом ещё один кашель и бас. Трактора! Люба сразу же догадалась, что обе машины толкуют о дружной весне, семенах и будущем севе. Толкуют хозяйственно-строго, как мужики накануне большой и серьёзной работы.

ДОРОГА

Каникулы кончились. Снова в школу. Скрипит намёрзшая колея. Наташа Завязкина, бросив портфель, катится следом за ним по скользкому зеркалу лужи. Мишка Попов догоняет кудрявенькую собачку. Колька Тулин встал в полевых воротах, вытянул руку и громко, словно сделав открытие, объявляет:

— Гляньте! Зелёно озеро среди снега!

Ну разве утерпит душа, чтобы не сбегать тут же к зелёному «озеру» и на все переулки и улицы возвестить:

— Ытайка озимей! Пробудились от сна! Ура-а!!!

На крышах, проталинах и заборах чернеют сутулые спины грачей. Сходка, что ли, у них, где выбирают пернатого атамана? У ребят всегда кто-нибудь знает больше, чем остальные. Потому и слышится чей-то уверенный голос:

— Грачиная свадьба! Воно их сколь! Того и гляди, заклюют всех ворон!

Грай грачей, суматошные крики ребят, звон ледяной колеи, шёпот ветра, несущего запах весенней воды и прели, — всё смешалось в одно.

Весеннее время всегда быстротечно. Давно ли ребята бежали в школу! И вот уже кончились все уроки.

На дорогу ребята выходят гурьбой. Щёки у них расплылись. Плащи нараспашку.

От луж, жёлтых пятен суглинка, щепья и навоза дорога какая-то пегая, странно похожая на бегущий к дальнему лесу табун лошадей. Бежит дорога за горизонт, за которым

разбросаны новые перелески, поля, ручейки и деревни. Куда она убегает? Раиска, Наташа и Люба, Колька Тулин и Мишка Попов ведут разговор о дороге:

— Если по леву руку — то через Вологду и Москву пойдёт она к Чёрному морю.

— Если по праву руку — то выйдет в Архангельск, а после — на Белое море...

Дорога, дорога... Нет у неё конца и начала. Она проходит повсюду, где люди. Люди любят её, потому что она им преданно служит. Здесь на ней прозвучали шаги пешехода, который первым ступил на неё. Сколько вёрст он прошёл? Где закончил свой путь? Кто повторит его походку? Знает об этом одна лишь дорога, ведь она нас учит ходить. Учит самых неопытных, тех, кто недавно ступил на неё, таких, как Раиска, Наташа и Люба, Колька Тулин и Мишка Попов.

Дорога... Потому и бывает она таинственно манящей, что измеряет её человек не только шагами, но и делами. Сколько дел у тебя впереди? Какие они? Которое из них станет твоим на всю жизнь? Ответить на это может только дорога. Твоя дорога, по которой ты продолжаешь идти.



СОДЕРЖАНИЕ

На новое место	3
Смешочки и коготочки	5
Вдоль Царевы	9
Полосатики	10
Поспела брусника!	13
Находка	16
Старая утварь	18
Перевёрнутая страница	23
Чудушко	26
Невидимка	27
Топится баня	32
Поступок	38
На Васину пустошь	40
Догонялки	42
Воскрешее лето	45
Спор на весь бор	47
Если свистнет снегирь	50
Ссориться ночью в лесу не надо	51
Около дома	54
Третья тропинка	55
Высота	58
С днём рождения!	61
Свадебный поезд	64
Воскресные пироги	67
Мороз на девичий нос	69
Сочинение	71
На угорах	73
Яблоко на ладони	79
Оплошность	85
Чужая отметка	88
Знаток	92
Гостинец от Елизара	93
Домашняя тренировка	95
С субботы на воскресенье	98
Под самое небо	103
Дружеская рука	105
Белые сени	106
Дорога	108

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Напиши нам, пожалуйста, чем понравилась или не понравилась тебе героиня этой книги.

Знаком ли ты с предыдущей книгой С. Багрова «Посреди Вселенной», выходящей в нашем издательстве?

Помогли ли тебе герои книг этого писателя понять и разрешить свои трудности?

Наш адрес: 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

ДЛЯ МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Багров Сергей Петрович

БЕЛЫЕ СЕНИ

Ответственный редактор

Е. М. Стрельцова.

Художественный редактор

В. Н. Данилов.

Технический редактор

О. Е. Иванова.

Корректоры

Л. А. Бочкарёва и Н. Н. Жукова.

ИБ 9160

Сдано в набор 03.01.86. Подписано к печати 19.05.86.
Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 2. Шрифт
школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр.-
отт. 19,99. Уч.-изд. л. 6,52. Тираж 150 000 экз. За-
каз № 1. Цена 50 коп. Ленинградское отделение орденов
Трудового Красного Знамени и Дружбы народов изда-
тельства «Детская литература» Государственного
комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Куту-
зова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополи-
графпрома Государственного комитета РСФСР по
делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Багров С. П.

Б 14 Белые сени: Повесть в рассказах/Рис. А. Ля-
мина. — Л.: Дет. лит., 1986. — 110 с., ил.

В пер.: 50 коп.

О заботах и радостях сельских школьников, о том, как найти «невидимую»
работу, в чём смысл самостоятельности, о красоте родного края и о многом
другом рассказывает повесть вологодского писателя.

